

Иар Эльтеррус
Екатерина Белецкая

СТОЯ НА КРАЮ НЕБА

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Факторы

Иар Эльтеррус
Стоя на краю неба

«Автор»

«Автор»

2012

Эльтеррус И.

Стоя на краю неба / И. Эльтеррус — «Автор», «Автор»,
2012 — (Факторы)

Выполняя новое задание, агенты-официалы Ит и Скрипач вынуждены претерпеть метаморфозу и превратиться в сестричек Найф и Файри. «Сестричкам» предстоит расследовать странные события на Свободной Онипрее, одном из окраинных миров. Жизнь агентов Официальной службы полна неожиданностей, и далеко не всегда приятных. Так, простое расследование может превратиться в операцию по раскрытию глобального заговора, а благополучная на первый взгляд планета оказывается средоточием зла. Тайны и загадки появляются там, где их не должно быть, враги оборачиваются друзьями, а... куклы оказываются вовсе не куклами. Только безграничное мужество «сестричек» способно разрушить планы заговорщиков и спасти жизнь миллионам обреченных...

© Эльтеррус И., 2012

© Автор, 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая

Стоя на краю неба

...стоя на краю неба и слушаю...

(продолжительная пауза)

...

Как сплетаются ваши руки с моими, любимые.

В силах ли буду сказать вам то, что должен? Сумею ли? Хватит ли моих рук и сердца, чтобы выстроить мост

с края неба до края вечности, или самому мне должно стать тем мостом, по которому вы пойдете ввысь?

(пауза)

...всех моих сил. Клятва, которой достойны вы,

слишком велика для меня, и в смирении я прошу у вас дозволения – все, что есть у меня, все, чем владею я, позвольте мне положить к ногам вашим, лишь за право быть вам опорой. Кроме себя, я ничего больше не мог принести вам. Единственный дар, который есть у меня, я отдаю – владейте. Поступите, как нужно...

(пауза)

...и Боги поют вам. А я – лишь слово,

лишь слово между вами. Но сейчас, стоя на краю неба, я клянусь вам: ничто не дарило мне столько сил,

как верность и любовь, которые заполняют меня.

Лишь один дар сумел я принести вам.

Тот, что носил и в сердце своем, и под сердцем.

Тот, что вел меня к вам эти дни.

Кровь от крови нашей, души от души наших,

во славу верности роду Анатори и вам,

мои возлюбленные...

(пауза)

...спасибо. Что стоит все золото мира

перед краем неба?..

Ди-Къера. Династия Анатори Лутио Борэ. Из речи «Стоя на краю неба – клятва Золотой Крови»

Часть I

Темные воды

Пролог

Лишняя ветка располагалась очень высоко, с земли ее секатором не достать. Ит прищурился, задумался. Первый вариант – сходить к дому, взять флаер и обрезать куст так, как положено. Второй... дерево по соседству очень даже подходит, можно встать вон на тот сук и вполне удастся дотянуться. Наверное. Скорее всего...

Из куста он вылез, беззвучно ругаясь, отплевываясь и потирая ободранные ладони. Нет, это не сад, это какой-то глобальный заговор! Сначала чертова клумба, на облагораживание которой они со Скрипачом убили полдня, теперь треклятый пирамидальный куст, который, сволочь этакая, из пирамидального превратился в невесть что за полгода их отсутствия... и что

будет дальше? Хотя, если вдуматься, уже было – Рыжий сейчас сидит дома, спешно залечивая искусанные руки и правую щеку. Его угораздило во время обрезки одного из деревьев срезать вместе с веткой гнездо с дикими осами. Осы такого обращения с собой терпеть не желали, вырвались из гнезда всем коллективом, и Рыжему пришлось спешно удирать через весь сад к бассейну. Он почти успел, но полтора десятка ос оказались несколько проворнее, чем гермо, и теперь рожа у Скрипача такая, что Фэб до сих пор смеется.

К Фэбу, кстати, будет отдельный разговор.

Про клумбу и про ос – в частности.

Если насчет деревьев и кустов существовал негласный договор, то насчет всего остального – нет. Почему, работая полгода дома, нельзя было хотя бы убрать гнездо, и почему нельзя было самостоятельно посадить переросшие цветы? От большой любви, что ли? Или чтобы через неделю после отработки, вместо того чтобы отдыхать, они оба развлекались подобным образом?

Скучал он, подумать только!..

Слов нет, как скучал, по всей видимости.

Если скучал, то почему хотя бы бассейн не вычистил со скуки?! Вчера полдня ушло на бассейн. Вечером, правда, очень хорошо посидели – сделали на каменной площадке изолированную зону, нажарили мяса и овощей, а потом чуть не до утра валялись на принесенном из дома здоровенном травяном мате и смотрели на яркие, праздничные звезды. Втроем, как больше всего любили. Очень хорошо, очень спокойно. Чудесный был вечер...

«Так, хватит, размечтался, – одернул Ит сам себя. – Ладно, фиг с ним. Сейчас достригу куст, а потом...»

Додумать он не успел – перед носом вдруг повисла прямоугольная прозрачная пластинка: приватный вызов. Ит отодвинул ее рукой чуть дальше, одновременно активируя.

– Что за... – начал он раздраженно, но в эту секунду раздался голос Эдри, куратора Орина.

– Ит, ты свободен? – спросила она.

– Не совсем, – признался он.

– В любом случае, работой ты точно не занят, – парировала куратор. – Кусты стрижешь? Полезное занятие. Бросай его и давай ко мне. Жду.

– Это срочно? – с тоской спросил Ит.

– К сожалению, срочно... судя по всему, – ответила куратор. – Где Рыжий? Мне желательно видеть вас обоих.

– Рыжего искушали осы, – сообщил Ит. – Так что в ближайшие несколько часов видеть ты сможешь только меня. Он, знаешь ли, сам любит смешить, но когда над ним, да еще по такому поводу...

– Поняла. Все, жду.

Ит поднял с земли секатор и пошел к дому.

Вызов вызовом, а бросать инструменты где попало он не привык.

* * *

В кабинете куратора, против ожидания Ита, кроме нее самой не было никого. Обычно тут кто-то еще да находился – или помощник, или заместитель по кластеру, или кто-то из посетителей. Но сейчас куратор была одна.

Эдри, невысокая женщина-рауф, сидела за своим рабочим столом и разглядывала что-то на визуале – Ит видел картинку, разумеется, как размытое цветное пятно, визуал был в приватном режиме.

– Садись, – не глядя на него, приказала куратор.

Ит покорно сел, исподтишка огляделся. Нет, ничего не изменилось, кабинет остался прежним – все те же белые стены, зеленый пол, симбио-мебель, широченный стол, за которым сейчас сидит Эдри... По словам знающих, эта обстановка не менялась уже полтысячи лет. Ни одного нового предмета, хотя... Стоп. Это еще что?

– А это как раз то, ради чего я тебя вызвала, – сообщила куратор, сворачивая визуал. – Ит, посмотри, пожалуйста.

На столе появилась небольшая лакированная коробка, сантиметров сорок в длину и десять в ширину. Эдри щелкнула замочками, коробка открылась, и куратор вытащила из нее на свет... куклу. Нарядно одетую в сказочного покроя костюм из невесомой ткани нежно-сиреневого цвета. С тонкими руками, полупрозрачным личиком и нежными пушистыми волосами.

– Как ты думаешь, что это такое? – поинтересовалась Эдри.

– Это эльфийка, когни, – растерянно ответил Ит.

– Именно так, – согласно кивнула куратор. – Возьми.

Кукла оказалась неожиданно тяжелой, Ит прикинул – около двух килограммов, а то и больше. Материал, из которого куклу сделал неведомый скульптор, на ощупь был плотным, с высоким удельным весом, и чуть пластичным. При нажатии он слегка поддавался, но тут же возвращался в исходное положение.

– Это эластомер. Каждая деталь отлита вручную, производство не серийное. Раздень ее, – приказала куратор.

– Чего? – Ит опешил.

– Раздень и посмотри.

Через минуту Ит, превозмогая отвращение, положил куклу на стол, подальше отодвинув от себя. Эдри, скрестив руки на груди, невозмутимо наблюдала за его реакцией.

– Что это за гадость?! – спросил Ит в еще большей растерянности.

– Это еще не гадость, это так, для затравки, – Эдри вытащила из-под стола еще несколько коробок. – Это была всего лишь беременная эльфийка, ты прав. Беременная двойней. Детьми, которые пожирают друг друга прямо в животе у мамочки. Смотри дальше.

Следующей оказалась выполненная не менее искусно кукла-нэгаши, «алмазная ящерка», как гласила надпись на коробке.

– Очень дорогая игрушка, – покачала головой Эдри. – Потому что все зубы, которые у этой красотки расположены в интимных зонах, и в самом деле украшены маленькими бриллиантами. Дипломаты ругали нас страшными словами, когда мы попросили выкупить ее через одного из «слепых». Остальные обошлись нам значительно дешевле. Кстати, гермо посмотришь? Это познавательно.

– Лучше не надо, – попросил Ит.

– Ну почему же. Гермо там замечательный... замечательная... Совокупляется сама с собой. Прямо на ходу. Невинно и мило, не находишь?

– Не нахожу, – Ит скривился. – Эдри, тебе не кажется, что это уж слишком?

– А это еще начало, – заверила куратор. – Дальше будет значительно интереснее. Образцов, правда, нет, но они и ни к чему. Есть куклы-инвалиды, куклы-андрогины, куклы-гермафродиты, куклы-уроды... Дети-инвалиды, кстати, тоже есть. Мало того, вот эти куклы, – Эдри кивнула на стол, – конечно же, не серийные. Они считаются произведениями искусства и стоят баснословных денег. Но аналоги тех же детей-инвалидов запущены в серию и бесплатно распространяются в детских учреждениях. А эти совсем недавно выставлялись на большой международной выставке и...

– Так. Стоп. Эдри, прости, но весь этот бред как-то объясняется, или ты собираешься дальше играть в загадки и показывать мне эту пакость? Сколько их у тебя вообще?

– Шесть штук. С объяснениями получается следующее. В мире, откуда привезены эти игрушки, позавчера был убит посол когни. Убит фанатиком, сумасшедшим. Кукол этих мы

приобрели уже с месяц назад, но они, как ты сам понимаешь, не могут являться формальным поводом для расследования.

– А убийство – может. Все так, – Ит кивнул. – Ты хочешь, чтобы мы взяли эту отработку?

– Понимаешь ли... – Эдри задумалась. – Ситуация непростая. Мир самый что ни на есть заштатный и обычный.

– Человеческий?

– Да, – куратор покивала. – Зонирован. Добавлен в основные сети сравнительно недавно. Это стандартный мир Индиго, техногенный, действительно человеческий, в Сеть включен Контролем около трехсот лет назад, сто лет назад пришли Транспортники и мы, мир введен в тождество, адаптация к контакту была проведена еще сто пятьдесят лет назад, все прошло более чем гладко... в общем, ничего особенного. Совсем ничего.

– А что говорят дипломаты? – Ит с неприязнью покосился на куклу, которая все еще лежала почти в центре стола.

– В том-то и дело, что тоже ничего, – развела руками Эдри. – До позавчера. Сейчас заявлен протест, но его отклонили. Преступник пойман и передан представителям властей.

– И по Контролю – тоже все в порядке, – заметил проницательный Ит.

– Какие умные гермо у меня работают, – усмехнулась Эдри. – Но ты угадал. По внешке все чисто.

– Ну и что нам там делать? – поинтересовался Ит, хотя сам уже чувствовал – отработку они возьмут. – Если там все и впрямь в порядке? Куклы и в самом деле не повод для паники. При любых раскладах влияние на культуру и общественное сознание от них будет ничтожным.

– Отсутствие поводов для паники – самый лучший повод для нее, – парировала куратор. – Ит, все как-то слишком гладко, тебе не кажется?

Ит задумался. Потер переносицу, снова глянул на куклу.

– Пока что мне ничего не кажется, – признался он. – То есть кажется...

– Что именно?

– Куклы – это зацепка. Какой-то маркер. Не пойму, какой, но явно он.

– Вот и мне тоже так кажется, – кивнула куратор. – У меня четкое ощущение затишья перед чем-то серьезным, хотя кроме этого ощущения у меня ничего нет. Чистой воды интуиция.

– Что требуется от нас? – спросил Ит.

– Проверка. Пока что – только проверка. Наблюдение. Не более того.

– Мы пойдем одни?

– Нет, в составе стандартной команды. Попробую прислать в научную группу Ри и его людей, он подавал заявку, но вас же полгода не было. А там, где вы были, ему делать ну совсем нечего...

– Хорошо бы, – пробормотал Ит. – Раскладка?

– Ученые и медики пойдут под видом группы социологов-аналитиков Официальной службы. Такая группа есть на самом деле, ты сам с ней работал когда-то. Им, разумеется, покажут ровно то, что показывают всем остальным, – большую и красивую картину объединенного мира, идущего в светлое будущее. Группа занимается сравнительным анализом социальных процессов в мирах второй-третьей стадии развития, так что прикрывать вас будут хорошо... и сами останутся в безопасности.

– Это дело, – одобрил Ит. – Боевики?

– Пока что не дам, нет повода. Патрульный корабль будет в одном шаге по проходу Вицама-Оттое, с тремя Мастерами Пути на борту. В случае чего, среагируют быстро. Надеюсь, их помощь не понадобится...

– Я тоже, – согласился Ит. – Эдри, прости, но я спрошу сразу – ведь твое ощущение сейчас возникло все-таки не на пустом месте. Что ты еще увидела?

– Деструкция, – Эдри сморщила нос. – Внешне все пристойно и гладко, но внутри – идет очередной передел власти. Ит, это явно какой-то процесс, причем я не вижу ни одной объективной причины для него.

– Эдри, ведь тебе кажется, что там происходит что-то необратимое, так? – спросил Ит напрямую. Куратор опустила глаза.

– Да, – кивнула она тяжело. – Именно это мне и кажется. Разубедите меня, пожалуйста. Это пусть и окраина, но все-таки наш кластер. Мне бы не хотелось, чтобы в нем были проблемы.

– Попробуем, – пожал плечами Ит. – Так, последнее. Что о нас самих?

– Идете в метаморфозе, – Эдри улыбнулась. – Женская для этого годится лучше всего. Так что...

– Файри и Найф, значит, – кивнул Ит. – Договорились. Дай только Рыжему лицо в порядок привести. А то из него сейчас получится весьма опухшая красавица.

– Ладно, – согласилась куратор. – Завтра – оба ко мне на инструктаж. Легенду уже делают.

– Проницательная ты наша... ты же знала, что я соглашусь. – Ит прищурился, покачал головой. – И не совестно обманывать?

– Нет, не совестно.

– А срок?

– Максимум три месяца, – заверила Эдри. – Если получится, отработаете быстрее.

– И на том спасибо, – вздохнул Ит. – Смею тебе заметить, что мы до этого работали полгода, и... порядком соскучились по дому.

– Я понимаю, – куратор печально покачала головой. – Но и ты меня пойми. Кроме вас, мне туда некого послать. Другие... не справятся. Слишком жесткий стиль работы, слишком напористы... И потом, люди мне там не нужны. Люди очень сильно ограничены во взглядах, к сожалению. Гермо – совсем другое дело.

– Очень лестно, – хмыкнул Ит, вставая. – Какие мы, к черту, гермо... даже не смешно.

– Все по-старому? – с грустью спросила Эдри, хотя и так знала ответ.

Ит кивнул.

– Ты же его знаешь. Разумеется, по-старому. Семьдесят лет прошло, теперь-то уж точно ничего не изменится. – В голосе Ита за тщательно рисуемым равнодушием вдруг возникло уже знакомое разочарование и старательно скрываемая ото всех и всего обида. – Все было ясно с самого начала, но мы ведь довольно долго пытались верить...

– Во что?

– В то, что он нас все-таки любит.

– Он вас любит, – мягко возразила Эдри.

– Это не так, – улыбнулся Ит. – К ста с лишним годам я начинаю понимать, что это не так, куратор. Долго до меня доходило, верно? А до Рыжего, кажется, так и не дошло. Вот такие у тебя тупые подчиненные.

– Ох... Ит, иди ты с глаз долой, пожалуйста, – раздраженно бросила Эдри. – Вечером буду у вас, заскочу ненадолго. Надо уточнить кое-какие детали.

* * *

Каменная площадка за домом сейчас была приведена в относительный порядок. Скрипач, разобравшись с опухшей от укусов щекой, во время отсутствия Ита успел вынести и вымыть ее, а затем притащил из кладовки три лавки, которые они с Итом привезли из отпуска лет пятьдесят назад. Лавки были очень красивые – из потемневшего от времени кованого металла, с ажурными спинками, деревянными сиденьями и изящными откидными подножьями. Лавки

Рыжий поставил треугольником и в центр этого треугольника водрузил стол, сделанный тем же мастером, – настоящее произведение кузнечного искусства.

Сейчас за этим столом сидели друг напротив друга Фэб и Эдри. Фэб был рассержен и не скрывал этого, а вот Эдри, напротив, язвительно спокойна. Словесная пикировка продолжалась уже почти час, Скрипач с Итом сочли самым разумным самоустраниться и ушли в дом – слушать по десятому кругу то, что говорила Эдри, не было уже никаких сил.

Тем более что говорили еще и о том, о чем они оба уже давным-давно предпочитали молчать.

– Я категорически против, – Фэб с неприязнью смотрел на куратора, но Эдри было так просто не пронять.

– А я категорически «за», – парировала куратор. – Что тебе не нравится? Обычное задание, ничего особенного.

– Квинта-28 тоже была поначалу обычным заданием! – фыркнул Фэб. – Тебе напомнить, чем все кончилось?

– Мне что, их вообще никуда не посылать?!

– Почему? Посылать, но...

– Что – «но»? Что тебе не нравится на этот раз, Эн-Къера?

– То, что это задание дурно пахнет, и ты про это знаешь. То, что они опять пойдут в человеческий мир, а это лишний никому не нужный риск. То...

– Почему это тебя так волнует? – прищурилась куратор. – Ну да, мир человеческий – и что?

– А то, что для них это каждый раз... – Фэб махнул рукой.

– Понимаю, понимаю, – покивала Эдри издевательски. – Ты каждый раз переживаешь, что они с кем-то переспят, ведь так? Что какая-нибудь человеческая девушка займет твое место? Ревнуешь, Фэб?

– Да что ты такое говоришь!.. – взвился тот в ответ. – Эдри, ты совсем потеряла совесть! Если ты не прекратишь, я потребую, чтобы ты немедленно отсюда...

– Никуда я отсюда сейчас не пойду, Эн-Къера, – припечатала она. – В этот раз можешь не волноваться. Пойдут в женской метаморфозе.

– Мне нет дела до того, что... – Фэб осекся, – что они делают во время заданий или в отпуске. Они давно взрослые и сами могут решить, что им нужно, а что нет. Я слишком сильно люблю их обоих, чтобы не отпустить тогда, когда это потребуется, и...

– Ты? Их? Любишь? – Куратор расхохоталась. – Не смеши. Не смеши меня, Эн-Къера! Вот Гиру ты действительно любил. Но их...

– Не смей трогать имя моей жены, – сдавленно произнес Фэб. – Не смей, Эдри! Если ты еще раз...

– Угрожать вздумал? – Эдри все еще смеялась. – Не вижу причин. Тем более что они не идиоты и отлично понимают, что и как на самом деле.

– И что – на самом деле?

– То, что ты их не любишь, и надо быть слепым, чтобы этого не заметить, – парировала куратор. – Хорошо хоть до Ита стало постепенно доходить.

– Откуда...

– Он мне об этом сегодня сам сказал, – спокойно сообщила она. – Не думай, что ему от этого хорошо. И не думай, что я не вижу того, что они в результате делают, лишь бы находиться от всего этого подальше.

Фэб молчал, опустив голову.

– Они берут любые задания, идут в любые долгосрочные забросы, лишь бы не оставаться дома, – в голосе куратора прорезались жестокие нотки. – Потому что им невыносимо чувствовать то, что они чувствуют: они тебя действительно любят, Эн-Къера, а ты семьдесят лет

открыто измываешься над ними. Прикрывая ложь благоглупостями и принципами, выдуман-
ными тобою же самим в незапамятные времена.

– Что ты предлагаешь? – мертвым голосом спросил Фэб.

– Когда Ит и Скрипач вернутся с этой отработки, ты дашь им свободу, – Эдри встала, давая понять, что разговор окончен. – Мое терпение кончилось, Фэб. И терпение, и то, что я прикрываю это безобразие шестьдесят лет, с момента официального начала их работы в этом качестве. Ты великолепно знаешь, что я не имею права давать допуск к работе сотрудникам, у которых длительный гормональный сбой. Прости, но это уже не этика, а физиология. И физиологии, замечу, на твою этику – плевать. Даже Ри, даже учитывая эту дрянь Марию Ральдо, и тот получил бы допуск – везде, в любом кластере, у любого куратора. Но не они. И ты это тоже знаешь.

Она повелительно махнула рукой, рядом с площадкой тут же опустился ее флаер. Эдри встала на платформу, и флаер растворился в подступающих сумерках.

Фэб остался сидеть за столом неподвижно, опустив голову на руки. Через несколько минут из дома осторожно высунулся Скрипач. Убедившись, что куратора поблизости нет, он вышел, подсел к Фэбу и участливо заглянул ему в лицо.

– Что случилось? – с тревогой спросил Рыжий.

– Ничего, – с усилием выдавил Фэб. Поднял голову, с тоской посмотрел на Скрипача. – Ничего, родной. Все нормально.

– Ври кому-нибудь другому, – Скрипач укоризненно покачал головой. – Скажешь, может быть?

– Не скажу, – отмахнулся Фэб. – Все в порядке. Вы поужинали?

– Еще нет, тебя ждали.

– Тогда идем, – Фэб поднялся, опираясь о стол. – И притащи чего-нибудь вкусного.

– Ага, – обреченно кивнул Скрипач. – Женская метаморфоза, неделя на подготовку, по пять кило в плюс на каждую тушку и...

– И поэтому неделю вкусного у нас будет в избытке, – Фэб нашел в себе силы усмехнуться.

– Обожаю эту диету. Жрать побольше сладкого и поменьше двигаться, – невесело заметил Скрипач. – Слушай, у меня идея, совсем забыл рассказать. Ну, то есть у нас идея... – поправил он сам себя. – Мы тут с Итом подумали и решили, что тебе же, наверное, скучно. Ведь нас постоянно нет, мы за год, дай Бог, месяц дома проводим. Может, ты какое-нибудь животное хочешь, а? Мы бы привезли. Ну или ты сам. Как тебе такая мысль? Мы же видим, что ты даже в доме ничего не делаешь, когда нас нет.

– Зачем? – Фэб ощутил, что губы словно онемели.

– Чтобы было кого любить, – пояснил Скрипач. – Хочешь, мы привезем собаку? Ри ведь их разводит, они обалденные! Жалко, тебя с нами не было, когда мы к ним последний раз ходили. У него целая стая, большой питомник...

Фэб беззвучно застонал сквозь стиснутые зубы.

Глава 1

Университет Брава-Консо. Сестры Атум

Женщины – совершенно удивительные существа.

Женщину невозможно сыграть или имитировать, ею можно или быть, или не быть. Мужчина, играющий женщину, смешон и нелеп, образ, им создаваемый, жалок и годится лишь для комедий в лучшем случае. Играющий женщину мужчина обычно манерно глуп, потому что он искренне убежден, что женщину определяют такие детали, как наличие груди и макияж. Что уж говорить про жеманное хихиканье или размахивание руками в стиле «уйди, противный»?

На деле все совсем не так.

Женщиной нужно родиться.

Любая плоскогрудая, тощая, некрасивая глупышка с торчащими зубами и полным отсутствием округлостей в нужных местах даст миллион очков вперед любому мужчине, который попытается как-то ее изобразить.

Даже женщина, играющая мужчину, менее нелепа, чем мужчина, играющий женщину.

Женщина – это не одежда, не юбка, не украшения, не макияж, не туфли и, уж конечно, не кокетство. Женщина – существо мифическое, возвышенное, и даже в самой грязной грязи, в унижении, в страдании, она все равно останется тем, чем создана, – потому что убить в женщине женщину невозможно.

Равно как невозможно сделать женщину из мужчины.

Из мужчины – нельзя.

А вот из гермо – очень даже запросто.

* * *

Все началось с того, что с ректором межмирового университета Брава-Консо, Учителем высшей категории, профессором академии лингвистики и межрасовых языковых конструкций Этномом Вайлдом Гривином вышел на связь по трансивер-каналу его заклятый коллега из университета Анлиона, декан Ри Нар ки Торк. Декан слыл эксцентричным чудачком, подолгу отсутствовал на родной планете, постоянно устраивая какие-то экспедиции, был женат на женщине, о которой последние пятьдесят лет ходили по кластеру легенды (не всегда приятного толка), и славился тем, что брал порой учиться таких студентов, от которых отказывались все. Не по причине таланта или инакомыслия этих студентов, нет. Скорее, по совсем другим причинам.

И потому у него было ну очень много денег.

Итак, виртуальный Ри Нар ки Торк сидел сейчас в кабинете коллеги и упрашивал его взять на трехмесячный курс по обмену двух его студенток. Этном сопротивлялся из последних сил, но уже начал потихоньку сдавать позиции – Ри, когда хотел чего-то добиться, отличался редкостной напористостью.

– Вайлд, поймите, для вас это ерунда, – убеждал его Ри. – Замечательные девочки, и всего-то три месяца.

– С какой целью это им нужно? – с неприязнью посмотрел на Ри Этном. – Неужели они рассчитывают чему-то научиться?

Ри покровительственно усмехнулся. Высокий, широкоплечий, с лежащими волной черными длинными волосами, он был настоящим красавцем... и это особенно не нравилось низенькому, толстому и абсолютно непривлекательному внешне Этному.

– Конечно, они не рассчитывают на это, – засмеялся Ри. – Но ведь вы прекрасно осведомлены о том, что въезд в ваш мир ограничен, а у вас на Онипрее можно приобрести и эксклюзивные вещи, и украшения, и... светская жизнь тоже весьма богата.

– Ограничение въезда для молодых людей у нас именно поэтому и введено – чтобы наша собственная молодежь побольше училась и поменьше занималась светской жизнью, – огрызнулся Этном. – Устроили из университета как ее... какую-то тусовку.

– Ну Вайлд... – протянул Ри. – Ну что вам стоит? Ну устроили, подумаешь, велика важность? Они пробудут три месяца, а заплатят, как за три года. Я, например, этим пользуюсь. И вам советую.

– Что, богатые семьи? – В голосе Этнома появилась неприязнь.

– Семья, – поправил Ри. – Да, очень богатая семья. Очень, Вайлд. Мало того, это богатая семья из Мадженты, так что гарантии там... – он зажмурился. – Они учатся у меня уже десятый год, и все это время исправно платили.

– Надо полагать, учатся они не очень хорошо?

– Плохо, – хохотнул Ри. – Ужасно плохо. Впрочем, родителям об этом знать необязательно, ясное дело... Ведь учатся все-таки. И в результате все довольны. И родители девочек, и девочки, и те мои студенты, которым я оплачиваю обучение за счет сестричек.

– Родные сестры? – вяло поинтересовался Этном.

– Двоюродные, по матерям. Дружат с младенчества, не разлей вода, – хохотнул Ри. Этном снова поморщился. – Не сомневайтесь, они не доставят вам проблем.

– Вы все никак не поймете, Ри, что меня волнуют в данном случае не проблемы, а этическая сторона вопроса, – промямлил Этном. – Ведь это некрасиво и непорядочно. Это лишнее подтверждение тезиса о том, что, имея деньги, можно делать все, что заблагорассудится, и нарушать законы и существующую организацию процесса.

– Разве это на самом деле не так? – прищурился Ри. – Ах, Вайлд... Вы ведь сами знаете, что идеализм нигде не в чести. Так что? Я включаю их в группу?

– Включайте, – сдался ректор. Тяжело вздохнул, вытер платком вспотевший лоб. – Надеюсь, вся остальная группа... не из таких?

– Ну что вы, нет, конечно, – заверил его Ри. – Остальная группа – небесные ангелы, и...

– Знаю я ваших «ангелочков», – проворчал Этном. – В прошлый раз трое из них так отличились, что программу вообще хотели свернуть.

– Всякое бывает, – пожал плечами Ри. – И скажите спасибо, Вайлд, что я вас предупредил о них. Ведь мог этого и не сделать, верно?

Этном беспомощно пожал плечами.

– Вы сами намерены... к нам? – спросил он, стремясь перевести тему в безопасное русло.

– Через пару недель, – ответил Ри. – Я в составе независимой комиссии, которая будет контролировать группу аналитиков Официальной службы. Мы все-таки не оставляем надежды прижать эту развеселую контору к ногтю. Может, в этот раз повезет.

– Ох, еще беда на голову, – скривился ректор. – Вы в курсе наших новостей?

– Нет. А что случилось? – напрягся Ри.

– Убит посол расы когни, рядом с резиденцией, чуть ли не на ее пороге, ночью, – принялся рассказывать Этном. – Причем убит совершенно изуверским образом. Ему надрезали кожу на спине и положили его... и эту кожу... так, словно это – крылья, – ректор сморщился, будто от кислого, но продолжил: – Преступника поймали почти сразу, он сидел неподалеку, в переулке... рисовал на стене дома крылатых людей. Рисовал кровью, которую собрал у тела. Он оказался сумасшедшим. Ужасная история...

– Да, действительно, – согласился Ри. – Но почему его никто не остановил?

– Он заранее повредил все камеры, – пояснил Этном. – В новостях не сказали, как именно, но факт остается фактом – ни одна не работала.

– Почему же посол вышел из резиденции ночью? – поинтересовался Ри. – Хотя, если это когни... – Он задумался. – Но ведь там была и обслуга, и, наверное, семья?

– Нам не сообщили подробностей, – развел руками Этном. – Но дипломатический отдел официалов настаивает на расследовании.

– Да, новость и впрямь безрадостная, – покивал Ри. – Впрочем, мы заговорились с вами, Вайлд, а трансивер стоит недешево. Продолжим общение позже, когда я к вам прибуду, – радостно пообещал он, вызвав у Этнома чуть ли не желудочный спазм – вот радость-то, подумайте только! – И не давите на моих девочек, пожалуйста. Они не такие плохие, как вы можете подумать.

– Хорошо бы, – с тоской пробурчал Этном.

– Вот увидите...

* * *

Файри шла налегке. Плоская квадратная сумочка на золотистой цепочке не в счет. А вот Найф с какой-то радости решила, что ее личный трансивер-передатчик будет в большей сохранности, если она не станет сдавать его в багаж, и поэтому несла сейчас в результате сумку средних размеров – две ладони в длину, три в ширину.

– Ну ты и дура, – прошипела Файри, заметив сумку в первый раз. – Еще бы весь багаж в салон с собой захватила.

– И захватила бы, да ты не дашь, – парировала Найф. – Пошли на биоконтроль.

– Сейчас будет мой самый любимый разговор, – хихикнула Файри. – Уже предвкушаю.

– Фай, я тебя прошу, не мучай таможенников, пожалуйста, – Найф брезгливо поморщилась. – Откуда в тебе это жуткое похабство?

– От папы с мамой, – невозмутимо ответила Файри.

– Слышал бы это твой папа, – пробормотала Найф. – Не ходила бы тут с гордым видом.

– Но он же не слышит, – возразила Файри.

– Да ну тебя...

Пункт биоконтроля в космопорте Свободной Онипреи находился в оранжевом секторе, в некотором отдалении от пункта выдачи багажа. За багаж ни Найф, ни Файри нисколько не волновались, а вот с биоконтролем могли теоретически возникнуть трудности. Скорее всего, не возникнут – в этот раз метаморфоза была сделана качественно, основательно и рассчитана на длительную заброску. Но все равно – лучше подстраховаться. Например, блоки универсальной защиты могли вызвать некоторые подозрения. У Файри блоком сейчас являлась очаровательная маленькая мушка над верхней губой, а у Найф такая же мушка была расположена под левой ключицей. Обе мушки были прописаны в метриках как родовые знаки, но они могли вызвать вопросы: в части миров такого уровня были еще свежи воспоминания о вирусных или онкологических болезнях. Дубль-защита, разумеется, тоже была сделана, но терять внешнюю не хотелось. Тем более что она могла порой сработать куда эффективнее и быстрее внутренней. Как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть.

– ...Никогда не рассчитывайте на то, что на вашу защиту у оппонента не найдется какого-нибудь сюрприза, – говорил в свое время преподаватель во время курса обеспечения безопасности в мирах второго-четвертого уровней. – Глупо думать, что потенциальный противник лишен головного мозга и уповает исключительно на оружие или какой-то иной старый прием. Методы постоянно меняются, технологии нигде не стоят на месте, и поэтому зачастую проколы происходят там, где их никто не ждал.

Около пункта проверки образовалась небольшая очередь, состоявшая исключительно из женщин. Файри и Найф по очереди коснулись сенсора терминала, взяли прозрачные бирки с номерами и уселись на низкий диванчик, присоединившись к другим ожидающим.

– Ну и наглость, – проворчала Файри. – Платишь такие деньги, да еще и ждать приходится.

– Это точно, – тут же отозвалась дама средних лет с соседнего диванчика. – Я подам жалобу и вам советую это сделать.

– Давно ждете? – поинтересовалась Найф.

– Десять минут! – возмутилась женщина. – Где это видано?!

– Ничего себе! – У Найф округлились глаза. – Да мы так в университет опоздаем!..

– Вы студентки? – оживилась их собеседница. – По обмену в Брава-Консо? Как замечательно! Мой сын тоже... правда, не могу сказать, что он в восторге от учебы, но без образования сейчас никуда.

– Угу, – сумрачно кивнула Файри. – Моя мама говорит то же самое.

Женщина окинула их цепким изучающим взглядом и заулыбалась. Найф про себя отметила, что улыбка эта предназначена, пожалуй, не им самим, а тому, что женщина сейчас разглядела. И платиновую цепочку на шее Файри, с кулоном в виде Эдмеиссарийской звезды. И серьги в ушах Найф, украшенные россыпью мелких бриллиантов. И одежду, пусть выглядящую на первый взгляд скромно, но идеально сидящую – темно-серый шелковый брючный костюм Файри, сшитый на заказ в одном из лучших модельных домов Анлиона, платье-двойку Найф, из априса, с обстрочкой из маленьких, неприметных гранатовых зернышек.

Одежда говорила тому, кто умел это понять, примерно следующее: моя хозяйка богата, она очень богата, у нее отменный вкус. И семья моей хозяйки богата тоже, причем много поколений подряд, и поэтому никто из нее никогда не знал ни горя, ни зла, ни бедности.

– Простите, а откуда вы? – набралась смелости женщина. – Извините мою бестактность, но... ваша сумочка, кажется, из последней коллекции Дома Миаскиит на Анлионе? Можно посмотреть изнутри?

– Вы совершенно правы, – улыбнулась Файри. – Это именно так. Смотрите. Дом Миаскиит в этот раз очень нас порадовал.

Файри провела по замку своей крошечной сумочки пальцем, та послушно раскрылась, и на ладони у девушки словно расцвел маленький золотисто-лиловый цветок.

«Контакт состоялся», – подумала Найф.

Встретились два одиночества – первая зацепка готова.

И подкупающее «в этот раз» довершило начатое.

Простая рядовая тетка никогда в жизни не узнала бы эксклюзивную модель последнего сезона и уж точно никогда не попросила бы открыть ее – а ведь главная деталь именно этой модели заключалась отнюдь не во внешнем виде, а в том, как именно эта сумочка открывается и как выглядит открытой. Сейчас на ладони Файри цвела лиловая гицера, гербовый цветок династии Ти, большого конгломерата рауф, расположенного в созвездии Головы Стража...

Девиз Дома Миаскиит звучал в переводе как «Тайное в явном».

А его хозяина Ри в свое время вытащил из очень серьезной заварухи.

Неисповедимы пути женских сумочек во вселенной...

Найф безмятежно улыбалась, ожидая продолжения.

– Какая прелесть, – завороченно прошептала женщина. – Ох, что-то я засмотрелась, но ведь невозможно не смотреть на такую красоту... Разрешите познакомиться? Меня зовут Лебе Фуатен, я супруга главы Департамента Всеобщего транспортного обеспечения Онипреи Модиро Фуатена.

– Очень приятно, – улыбка Найф превратилась из безмятежной в приветливую. – Мы – Файри и Найф Атум. Сейчас – студентки смешанной обменной группы, едем учиться в Брава-Консо. А так... – она опустила глаза. – У нас не принято бравировать происхождением...

– Может быть, вы все-таки шепнете мне на ушко? – попросила женщина.

– Найф, твоя излишняя скромность не делает в этом случае тебе чести, – недовольно заметила Файри. – И потом, это бестактно. Дорогая Лебе... вы ведь позволите называть вас так?

Женщина кивнула.

– Мы – из Синего Крыла третьей династии Нарских, Анлион, – пояснила Файри. – Атум – вторая фамилия, она взята для... общественной жизни. Знаете ли, – Файри перешла на доверительный тон, – некоторые люди не всегда правильно реагируют на аристократию...

– Понимаю, понимаю, – Лебе сочувственно покачала головой. – Бедные девочки... В этом мире много жестоких людей, им лишь бы выместить на ком-то свою злобу. Они не понимают, что такая принадлежность, особенно к правящему дому, – это очень большая ответственность.

Файри и Найф покивали.

– Знаете, я на днях устраиваю прием в честь возвращения из путешествия, – оживилась Лебе. – Не хотите ли присоединиться? Я оставлю вам свои координаты, вы дадите мне знать, когда устроитесь, и договоримся о встрече. С сыном вас познакомлю...

– Конечно, – Файри с благодарностью посмотрела на нее. – Спасибо вам за приглашение. Мы постараемся быть.

Найф, продолжая улыбаться, внутри поморщилась. Плюс еще одна проверка. Если это подстава, то сработано слишком уж нарочито и грубо. Если это – чистяк, то им на пути попалась очень полезная неимоверная идиотка, которую можно будет потом для чего-то использовать. На всякий случай Найф сняла с Лебе Фуатен личину. Пусть будет, вполне может пригодиться. Даже если это один из потенциальных оппонентов. Потому что потенциальные оппоненты порой пасутся во всяких полезных местах...

Вскоре женщину вызвали, она ушла в кабинет, и девушки остались на диванчике вдвоем.

– Приятная женщина, – негромко заметила Найф.

– Да, – согласилась Файри. – Знаешь, когда кто-нибудь узнает Дом Миаскиит... этот человек становится мне немножко родным. Ну, по духу, конечно.

– Согласна, – Найф легко вздохнула. – Но ты не находишь, что она немного старомодна? Сумочку узнала, а мое платье – нет.

– А чего ты хочешь от этой планеты? Это не Анлион, сюда новости доходят с опозданием. Сумочки Дом Миаскиит начал делать полгода назад, а платья-сюрпризы – всего полтора месяца.

– Наверное, ты права. О, пойдем, наконец-то наша очередь.

Таможенницей, снимавшей биометрию, оказалась полная крупная женщина средних лет. Файри разделась первой и встала на сканер; вокруг нее тут же образовалось световое кольцо и начало медленно вращаться. Файри стояла спокойно, но не настолько спокойно, чтобы таможенница не заметила – девушка слегка взволнована процедурой, но тщательно старается это скрыть.

– Успокойтесь, милочка, – посоветовала таможенница. – Это совсем недолго.

– Да я не волнуюсь, – возразила Файри. – Стоять холодно.

– Совсем чуть-чуть придется потерпеть... – таможенница глянула на терминал. – Вы заблокированы от зачатия? – спросила она.

– Разумеется, – Файри фыркнула. – Как все цивилизованные женщины.

– Ну не скажите, у нас это не принято, – таможенница покивала. – Так... с биометрикой все в порядке, вы и в самом деле вы...

– Лично я в этом не сомневалась, – подтвердила Файри. – Но услышать это для очистки совести всегда приятно. Вдруг меня подменили, а я не заметила?

Стандартная шутка – почему-то прижилась у тех, кто проходит биометрию. Каждый третий, вставший на сканер, это говорит...

– Знаете, милочка, вы бы сняли эту свою блокировку, – вдруг посоветовала таможенница доверительным тоном. – Ведь детки – это такое счастье, вы не поверите!.. Вот заведете своих, тогда поймете.

– Пока что не могу, но потом подумаю над этим, – пообещала Файри. – Можно одеваться?

– Да, конечно. Вы ведь сестры? – обратилась таможенница к Найф. Та в ответ кивнула. В одно движение скинула платье и заняла освободившийся биосканер. Таможенница хмыкнула – темноволосая сестричка выглядела слишком худенькой. Первая из них – роскошная, просто роскошная девица. Выющиеся рыжие волосы, легкий загар (причем загорала-то голая, поняла таможенница, никаких тебе полосок или белых пятен на идеальной коже), изящная грудь, небольшая, но очень красивой формы, аристократически тонкие запястья и щиколотки, удивительно грациозные и плавные движения.

Эта, пожалуй, чуть проще. Но в своем роде очень и очень мила. Кожа светлая, почти белая, волосы черные и прямые, уложены косой вокруг головы, глаза тоже черные, прямо-таки бездонные, а вот фигурка – увы, и груди толком нет, и попа подкачала. Хотя есть мужчины, которые любят совсем худеньких.

...На третий день вынужденной обжираловки Ит сказал, что больше есть уже не может, потому что в него не лезет, а вот Скрипач постарался от души – поэтому «строительного материала для излишеств организма» у него оказалось больше, чем у ленивого Ита...

– Меня не похитили? – поинтересовалась Найф, стоя на сканере. – Я все еще тут?

Успевшая одеться Файри хихикнула.

– По виду ты – вроде бы ты, – с сомнением в голосе заявила она. – Но лучше пусть проверят.

С Найф таможенница управилась еще быстрее – то же совпадение с полученной трое суток назад метрикой, та же блокировка от зачатия (они ведь с одной планеты, видимо, и поставлено у них все это одинаково)... ох ты, а она еще и девственница ко всему прочему.

«Ну у них и порядки, – подумала таможенница. – Девице тридцать лет, а до сих пор ни с кем и ни разу. Прямо даже жалко ее...» У самой таможенницы имелось трое детей.

– Одевайтесь, – приказала она черноволосой сестре. – Похоже, вы и вправду вы.

Найф облегченно вздохнула и сошла со сканера.

– Чего вздыхаешь? – поинтересовалась Файри.

– Да сон приснился, – пояснила Найф, влезая в платье. – Что ночью меня похитил какой-то черный человек. Я просыпаюсь, а меня нет.

– Глупости говоришь, – отмахнулась Файри. – Как можно проснуться, чтобы тебя не было?

– Так это же во сне... помоги застегнуть... спасибо. Во сне, понимаешь? Так страшно было.

– Вы, наверное, слишком много занимались, – пожалела таможенница черноволосую сестру. – Вам нужно отдохнуть, и такие сны больше сниться не будут.

– Может, вы и правы, – кивнула Найф.

– Так, – таможенница перешла на деловой тон: – Ваши метрики подтверждены, установленный срок пребывания на планете – три месяца. При необходимости продления срока пребывания вам следует обратиться в дипломатический отдел межпланетных и межрасовых сообщений для получения дополнительной информации и инструкций по прохождению повторной регистрации. Добро пожаловать на территорию Свободной Онипреи!

– Спасибо. – Вежливая Найф улыбнулась, Файри тоже.

Процесс регистрации был завершен.

* * *

– У меня уже щеки болят от необходимости постоянно улыбаться, – пробормотала Файри, когда они шли к терминалу за багажом. – Достало. Отдохнуть хочется.

– Перебьешься, – с лучезарной улыбкой ответила ей Найф. – У нас сегодня ректор, а еще квартиру надо снять.

– Черт, – Файри улыбнулась ей в ответ. – Я рассчитывала заняться только одной квартирой.

– Ну да, конечно. А потом Ри нам отобьет что-нибудь за то, что мы не сделали то, что должны были сделать.

– Ну, ладно...

– Слушай, может, не надо квартиру? Обойдемся на сегодня гостиницей?

Файри задумалась. В принципе, ход неплохой. И под легенду подходит идеально – две девицы с ветерком в голове вполне способны менять решения по десять раз на дню.

– Отлично, – кивнула она. – По дороге подумаем...

Машину для них ректор, обработанный Ри, заказал заранее, а вот квартиру они решили не заказывать: мол, хочется посмотреть город, а потом уже выбрать для себя то, что покажется подходящим. На всякий случай был зарезервирован номер в одном из лучших отелей в центре, но туда они, разумеется, ехать не собирались. Бесспорно, легенда хорошая, пройдет любую проверку (Файри и Найф пару-тройку раз в год навевались на Анлион, и довольно много людей могли подтвердить, что они там действительно учатся), но чем черт не шутит? Номер могли запросто «провесить», и лучше было бы подстраховаться.

Ряд других свободных номеров в дорогих гостиницах тоже следовало исключить – такие номера сразу отпадали. Их не так много, если вдуматься. Штук тридцать на весь город. Для группы профи заранее «позаботиться» об этих номерах – плевое дело.

Город не понравился Найф с первого взгляда, и не понравился сильно. Сразу же, с первой минуты, как везущая их машина въехала в его черту, Найф ощутила некую напряженность и тревожность, непонятно откуда идущие. Она коротко глянула на Файри, та едва заметно кивнула и поджала губы.

Нехорошо.

Очень плохо.

...Ощущение: зелено-черная, глубокая, застывшая вода давно мертвого моря; дно, затянутое илом, неподвижно висящие ноздреватые ленты водорослей. В подводных травах таится угроза, нельзя опускаться ниже, просто смотри, и увидишь – дно усеяно тем, что сотни лет лежало на нем. Сквозь толщу воды опускались вниз, ко дну, осколки сражений, шедших где-то наверху, и там, под слоем бурого ила, теперь огромное кладбище металла и костей; торчат, изъеденные коррозией, проржавевшие железные клыки, тьма скрывает собой то, о чем лучше не думать. Ничего живого, лишь неподвижная мгла и застарелая смерть, укрытые темной водой...

– Какая прелесть, – деревянным голосом произнесла Файри.

– О, да, – согласилась Найф. – Уважаемый, – это уже шоферу. – Тут поблизости нет отеля? Доселе молчавший шофер ожил.

– Есть, есть, конечно, есть, – зачастил он. – Если на главной улице, имени Ваи Диттена, то можно в «Парадиз», если...

– Нам не нужно в «Парадиз», нам бы что-нибудь потише, – попросила Файри.

Найф вынула из сумки планшет, развернула карту.

– А как насчет «Колодца желаний»? – спросила она. Отель этот шел по средней категории, не из дорогих, но и не из самых дешевых. – Что скажете?

– Вроде бы ничего, – в голосе шофера зазвучало сомнение. – Но он попроще будет.

– Нам подойдет, только на одну ночь, – Файри мельком глянула на карту. – Уважаемый, тогда мы заселимся, а вы нас подождите, хорошо? Мы недолго.

– Конечно-конечно, – шофер закивал. – Как раз перекусить заскочу.

Он справедливо полагал, что «недолго» в случае этих девиц будет час. А то и больше.

Пока они говорили, Найф успела оставить заявку на два номера – чтобы можно было выбрать тот, который окажется наиболее подходящим. Один выходил окнами в закрытый двор, другой – на небольшую улицу. Найф подумала, что, будь они простыми туристками, они бы без колебаний выбрали номер с окнами во двор, но сейчас, по всей видимости, придется брать второй. Если, конечно, не возникнет дополнительных факторов, способных повлиять на решение.

Отель оказался квартирному типу, он занимал три этажа в старом здании, расположенном на тихой, узкой, безлюдной улочке. Администраторша, пожилая, дородная дама, была корректна и вежлива, но Найф и Файри поняли, что за этой вежливостью скрывается неприязнь: они обе женщине совсем не понравились. И дорогая одежда, и багаж (с десятков небольших чемоданов, оснащенных портативными антигравитами, стоящими очень недешево), и надменность, которую продемонстрировала Файри, – все это вызывало у администраторши отторжение и раздражение. Однако работа есть работа, и деваться женщине было некуда.

Они заняли номер, Файри пошла вместе с администраторшей на ресепшн, оформлять аренду и платить, а Найф, наскоро запихнув багаж в шкаф, вынула из своей сумки пудреницу и принялась приводить себя в порядок. В пудренице была не совсем простая пудра, эту «пудру» сделал искин секторальной станции, принадлежавшей Ри, и очень немногие знали, что с помощью того, что находилось в маленькой золотой коробочке, можно за несколько секунд вывести из строя всю технику в радиусе пяти километров.

Сейчас, впрочем, пудреница не понадобилась. Номер был чист, лишь под потолком, за светильником обнаружилась спрятанная примитивная камера – видимо, владелец развлекался, подглядывая за гостями. Отметив про себя, что камера пристроена довольно неуклюже, Найф не торопясь отошла от кровати (разумеется, объектив был направлен на кровать), а затем, неловко оступившись, взмахнула рукой – и оторвавшаяся от рукава гранатовая бусинка угодила в объектив. Какая досада!.. Найф огорченно вздохнула и, опустившись на колени, принялась оглядывать пол в тщетных попытках найти бусинку. К счастью, та нашлась довольно быстро. Бусинка закатилась под кровать, и Найф пришлось лечь на пол, чтобы ее вытащить. Под кроватью было чисто, только вокруг ее ножек имелись едва заметные ровные пылевые кольца. Понятно, убирают тут роботы. Причем старой модели, судя по пыли... ладно, это еще сильнее упрощает дело.

Вскоре в номер вернулась Файри.

– Ну как? – спросила она с порога.

– Что – как? – не поняла Найф.

– Как номер?

– Ну... не знаю, – Найф пожала плечами. – Номер как номер, ничего особенного.

– Уже ничего? – любопытствовала Файри, кидая на кровать чемодан и вытаскивая из него новый брючный костюм – на этот раз более строгий, но не менее дорогой, чем был на ней сейчас.

– Вообще ничего, – сообщила Найф, садясь на кровать и снимая туфли.

– В душ пойдешь?

– Иди первая, – предложила Найф. Файри кивнула, разложила костюм на кровати и отправилась в ванную.

Найф вытащила из своего чемодана длинную плоскую косметичку, открыла ее и стала внимательно рассматривать ряд тонких стеклянных трубочек, вложенных в специальные кармашки. Отобрала три, открыла, по очереди понюхала. Вернула одну из трубочек на место,

поставила две рядом друг с другом и призадумалась. Вытащила из другого отделения косметички хрустальный флакон, капнула в него из выбранной трубочки, закрыла флакон тоже хрустальной пробкой и несколько раз несильно встряхнула. Убрала на место трубочку, открыла флакон и понюхала содержимое. Удовлетворенно кивнула, улыбнулась.

– Ты что это делаешь? – поинтересовалась Файри, выходя из ванной. Волосы ее были мокрыми, на плечи наброшено пушистое полотенце.

– Ищу путь к сердцу нашей милой администраторши, – пояснила Найф.

– Ты случайно не упала с дерева на голову? – неприязненно спросила Файри. – Тратить на эту хамку «Розовую зари»?! Может, еще и платье свое ей презентуешь? Что с твоим рукавом, аккуратистка? Бусину нашла в результате?

– Нашла, нашла, – заверила ее Найф. – Оторвалась случайно, подумаешь...

Она подняла глаза к потолку, потом коротко глянула на Файри. Та поморщилась.

– Если нашлась, то ладно. Обратно сами поставим или поищем того, кто сможет это сделать, не испортив платья? – ехидно спросила она.

– Поставим, лапки же целы... вроде бы, – Найф, прищурившись, разглядывала рукав. – Ну не сердись, пожалуйста, – попросила она. – Я же не нарочно.

– Ой, какая ты занудная. Иди в душ, а то мы точно опоздаем. И оденься во что-нибудь приличное, – попросила Файри. – А то опять нацепишь какую-нибудь ужасную тряпку, а я красней за тебя потом.

– Ладно, – Найф положила на кровать свой чемодан с одеждой.

– Иди в душ, я сама выберу, – приказала Файри. – У тебя вкус, будто у сельской дурочки времен девятого регентства. Иди, я сказала!

* * *

Флакон «Розовой зари», разумеется, пришелся весьма кстати – неприязнь администраторши как рукой сняло. Провожала она постоялиц уже в гораздо лучшем расположении духа, чем раньше. На всякий случай Файри и Найф все-таки поставили на комнату защиту, но большой необходимости в этом не было: администраторшу «просмотрели», убедились, что привычки лазить по чужим вещам у нее не имеется, и решили до вечера оставить все как есть.

В университет прибыли с пятнадцатиминутным опозданием, что, конечно, не вызвало большого восторга у Этнома. Впрочем, виду он не подал. Проводил новых студенток в свой кабинет и полчаса разливался перед ними соловьем, расписывая то, что ждет их в университете Брава-Консо. Отличные педагоги, различные курсы, уникальные методики, и так далее, и тому подобное... Скучающая Файри во время его длинной речи внимательно изучала рисунок на тканевых обоях кабинета, а Найф украдкой рассматривала ногти – ей показалось, что появилась пара заусенцев, и надо срочно с ними что-то сделать.

– Итак, вы понимаете, что университет Брава-Консо является на данный момент одним из лучших учебных заведений такого класса в этой области пространства, – торжественно заявил Этном. – Вас ждут три месяца увлекательнейшей...

– Да, спасибо, – прервала его Файри. – Сир Этном, скажите, а в городе есть что-нибудь интересное?

Этном поперхнулся.

– Ну, музеи, театры, выставки, – принялась перечислять Файри. – Клубы... у вас ведь есть клубы?

– А еще лучше закрытые клубы, – добавила Найф. – Хотя и открытые тоже...

Этном поперхнулся еще раз.

– Ну... – несмело начал он, – конечно, есть, но я бы не рекомендовал... Расписание занятий довольно напряженное, свободного времени почти не остается, поэтому я не думаю, что у вас найдется...

– А как же вечера? – округлила глаза Файри. – И вечером заниматься? Декан Ри нас о таком не предупреждал.

– Понимаете ли, – Этном наконец взял себя в руки. – Я ничего не могу сказать об... увеселениях, потому что в мою задачу это изначально не входит, как вы догадались. Однако, – он перешел на деловой тон, – я вынужден настаивать на том, чтобы вы соблюдали определенную осторожность при посещении...

– Музеев? – округлила глаза Файри. – Что может быть опасного в музее?

Найф сдавленно хихикнула.

– Нет, я имел в виду клубы, а также город вечером.

– Я думаю, опасность сильно уменьшится, если вы нам расскажете, куда можно ходить, а куда нельзя. – Найф, склонив голову к плечу, посмотрела на ректора. Этном поморщился – ну что за безграмотность? «Сильно уменьшится», подумать только. – Ведь так, сир Этном?

– Трудно предугадать. В городе проживает больше двадцати миллионов человек, а также некоторое количество представителей иных рас. Поскольку во время пребывания здесь вы находитесь частично под моей ответственностью, я должен предупредить, чтобы вы соблюдали определенную осторожность.

Файри хмыкнула.

– Лебе Фуатен нам о подобном не говорила, – с достоинством произнесла она. – Помоему, вы сгущаете краски.

– Вы знакомы с Лебе Фуатен? – Этном постарался скрыть свои чувства, но получилось у него это так себе. По обоюдному мнению Файри и Найф – совсем не получилось.

– Да, – просто ответила Файри. – Она милейшая женщина, правда?

– Правда, – с трудом кивнул Этном.

Эта «милейшая женщина» и ее столь же «милейший» сын выпили из него порядочно крови. Выгнать к чертям этого недоумка нельзя – таких сыновей выгоняют только те, кто хочет побыстрее завязать с карьерой. Учить чему бы то ни было – невозможно, поскольку недоумок интересуется исключительно юбками, баснословно дорогими машинами да развлечениями... и при этом искренне убежден в своей гениальности – а специальность, которой он учится, называется, ни много ни мало, «градостроительный дизайн». От его проектов и от того, как «мальчик» выполнял редкие задания, волосы дыбом становились. У всех. Даже у тех, кто о градостроительном дизайне до сих пор вообще ни разу не слышал. После него все приходилось переделывать, причем еще и подавать это так, чтобы не обидеть «сыночка». Один раз кто-то из архитекторов обидел. Теперь, кажется, работает на каком-то складе на окраине...

Мать тоже убеждена в том, что ее сын – талант из талантов, и равного ему нет. Единственное, чему на самом деле научился Марду Фуатен за шесть лет учебы, – делать красивые презентации для своего бреда. Это и немудрено: при таких деньгах можно позволить себе любую, самую лучшую технику...

– Да ну, – протянула Найф. – Если бы тут было опасно, декан Ри нас бы предупредил.

– И все же...

– Хорошо, мы будем осторожны, – Файри встала, давая понять, что обсуждать больше нечего. Найф поднялась следом. – Спасибо вам, сир Этном.

– Занятия начинаются завтра, в девять утра, – предупредил ректор. Найф и Файри выразительно переглянулись, и ректор понял, что завтра в это время он их, скорее всего, не увидит. – Постарайтесь быть.

– Мы устали после дороги, – пояснила Файри. – Хотели выспаться.

– Второй блок начнется с двенадцати, – с неохотой произнес ректор.

– Отлично! Значит, мы придем ко второму блоку, – Найф улыбнулась. – Все равно в девять утра от нас будет мало толку.

«От вас вообще не может быть толку, ни в девять, ни в двенадцать, ни когда-либо еще, – попытожил про себя Этном. – До чего же мерзкие девки».

– Ой, совсем забыла спросить, – Файри снова повернулась к ректору. – Скажите, а представители иных рас правда имеются в городе, да?

– Есть, – подтвердил ректор. – Я же сказал, что есть.

– А где с ними можно познакомиться? – спросила Файри, понизив голос. – Понимаете, у нас, на Анлионе, они есть лишь в посольствах и резервациях, причем только рауф, у нас въезд ограничен, а нам бы так хотелось посмотреть на... на нэгаши и когни, – произнесла она шепотом.

– В университете нет нэгаши и когни, разумеется. Им просто нечего тут делать. Рауф, – ректор с трудом удержался, чтобы не скорчить презрительную гримасу, – рауф в городе есть, но ходить в Зеленый квартал я вам категорически не рекомендую.

– Спасибо, – улыбнулась вежливая Найф.

Проводив сестер Атум, несчастный ректор обессиленно рухнул в кресло.

«Дрянь, дрянь, дрянь! – билось в голове. – Какая же это наглая и не прикрытая ничем дрянь – и вот такие, как эти две, и то, за чем они на самом деле сюда прилетают. «Иные расы», подумать только!..»

Да ну их к черту! Пусть катятся в Зеленый квартал и спят, сколько влезет, с проститутками-гермо!.. Маджента, богатая семья... Извращенки чертовы! Нэгаши им подавай!.. Нашли тоже сутенера, твари!»

Этном налил в стакан воды, залпом выпил. Посидел несколько минут неподвижно, уставившись невидящим взглядом за окно.

«Какая бестактность, какая наглость, какая низость!»

Он чувствовал, что ему словно наплевали в душу.

«Деньги решают все», – вспомнились слова декана Ри.

Видимо, да.

Но как же плохо жить в мире, в котором деньги решают все...

* * *

– По-моему, он не горит желанием видеть нас... часто, – попытожила Найф, когда они вышли из здания и направились к машине.

– По-моему, тоже, – хихикнула Файри. – Бедняжка Ри, долго же ему придется оправдываться.

– Это точно, – Найф тоже усмехнулась. – А ты заметила, как его перекосило при упоминании нэгаши? К чему бы это, как думаешь?

– Не знаю, – безмятежно отозвалась Файри. – Может, он с ними когда-то не поладил, вот и злится до сих пор.

– И с когни тоже не поладил?

– Возможно. Мало ли что...

Вечер решили провести в центре. Доехали на машине до улицы имени Ваи Диттена, расплатились, отпустили машину и дальше отправились пешком.

Столица планеты Онипреи, город со звучным названием Джовел, была на самом деле одной из государственных столиц этого мира, «главной жемчужиной» в цепочке городов-побратимов. Однако еще во времена первых контактов с официальными и Транспортниками город стал еще и так называемой кадастровой столицей мира. Именно рядом с Джовелом располагалась машина Транспортной Сети. Именно в нем находились все посольства контактиру-

ющих с Онипреей рас. Именно в нем был главный космопорт, на который прибывали корабли, проходящие через три портала, предоставленные планете Альтернативной Сетью Ойтмана. Именно он значился в реестре как «центральная точка». Именно он являлся самым большим городом на планете.

Центр, бесспорно, производил впечатление и был явно рассчитан на туристов, которых здесь сейчас вертелось превеликое множество. Файри и Найф около часа побродили в толпе, состоявшей преимущественно из хорошо одетых мужчин и женщин, в большинстве своем среднего возраста, полюбовались ночным городом, потом посидели в маленьком кафе на площади. Действительно, красивый город, но уж больно много в нем рекламы и сиюминутного украшения. То тут, то там – ярко подсвеченные стенды, гостевые терминалы на каждом шагу, даже уличные переходы, и те не избежали участи рекламных модулей: они были оборудованы вмонтированными в дорожное покрытие экранами, закрытыми прозрачными панелями.

«Соам» – великолепный результат и минимум затрат!» – моющее средство. Белокурая пышнотелая мать обнимает смеющегося ребенка, настолько карамельного, что он кажется ожившей куклой...

«Будь счастлив! Счастье только вместе с группой «Асна нолимит!»! Счастье без границ и пределов! Можно в кредит!» – Улыбающаяся полуголая девица с планшетным терминалом демонстрирует друзьям картинку с отдыха. Вот она с черноволосым, обнаженным до пояса юношей, вот – с двумя подругами в бассейне с ядовито-розовой водой, вот – летит на открытом флаере над морем.

«Настоящее! Качество!! Есть!!! Традиции и достоинство!» – Убеленный благородными сединами загорелый мужчина с гордостью смотрит на прозрачную банку с... ах да. Это всего лишь масло.

– Найф, пошли спать, а? – Файри коротко глянула на подругу. – У меня что-то голова разболелась.

Та прищурилась.

– Только давай не будем брать машину, – попросила она. – Пешком дойдем. Согласна?

– Согласна, – кивнула Файри.

Они расплатились и вскоре уже шли переулками к нужной улице. Тут, к счастью, было тихо и никакой рекламы – просто дворы, неширокие дороги, кое-где даже что-то вроде небольших скверов. Людей почти нет: туристы бродят по Центру, а местные, видимо, уже спали.

– Подожди-ка... что это такое? – Найф ни с того ни с сего остановилась, стала разглядывать стену дома, мимо которого они проходили.

– Ты о чем? – не поняла Файри.

– Гляди, – Найф отступила в сторону.

На стене была картинка, схематичная, явно нанесенная через трафарет с помощью баллончика с распыляемой краской. Небольшая, всего полторы ладони в высоту.

Стилизованное изображение человека с крыльями за спиной и раскинутыми в стороны руками, заключенное в квадрат, слева направо перечеркнутый жирной черной полосой.

И надпись внизу: «Убей ангела!»

Файри и Найф переглянулись.

– Плохо быть ангелом в наше время, – задумчиво проговорила Найф.

– Наверное, – Файри нахмурилась. Принюхалась, сморщилась. – Краска совсем свежая.

– Угу, – кивнула Найф. Оглянулась по сторонам.

– Сбежали, – Файри задумалась. – Такую картинку сделать – несколько секунд. Один держит трафарет, другой пшикает. И деру.

– Пройдемся? – предложила Найф.

– Ну давай, только не очень долго...

Полчаса бродили по дворам – картинок, подобных той, первой, обнаружили еще шесть штук. И десятка полтора с иными сюжетами, но сделанных по тому же принципу: трафарет, стилизация, надпись. Кроме призыва убивать ангелов нашлись и другие. Был, к примеру, призыв «Жди рассвета». Или – «Ветер?». Или – «Не хвост». И картинки... на первый взгляд – бред.

Вставший на задние лапы гротескный ящер, а над ним – межпланетный гражданский крейсер с эмблемой Онипреи (надпись «Жди рассвета»).

Схематичный человеческий скелет, с которого ключьями свисает одежда (надпись «Ветер?»).

Кошачья морда с совершенно не кошачьим оскалом и злыми глазами-щелками (надпись «Не хвост»).

Были и просто надписи – тоже по трафарету, некоторые полустершиеся, старые, некоторые – совсем новые. «Почему?», «Недоверие», «Зелень».

– Она была права, – резюмировала Найф.

– Кто? – не поняла Файри.

Найф оглянулась и едва слышно произнесла:

– Эдри. Фай, проверь вокруг, надо поговорить.

Та кивнула. Замерла на секунду неподвижно, прикрыв глаза, потом вынула из сумки маленький флакончик с помадой и открутила крышку. Положила крышку на ладонь, дотронулась до нее мизинцем. По крышке скользнул еле заметный световой отблеск.

– Чисто, – констатировала Файри. – Ты права, подруга. И Эдри тоже права.

– Ага, только это все бездоказательно, – Найф нахмурилась. – Ни одного прямого призыва. И подмена понятий – где только возможно. Закон не запрещает не любить котов, верно?

– Угу. И при чем тут рауф? – недобро усмехнулась Файри. – Действительно, совершенно ни при чем. Равно как нэгаши ни при чем, этот крокодил на них совершенно не похож... ну, разве совсем чуть-чуть.

– С ветром вообще отличная цепочка, трехуровневая, – усмехнулась Найф.

– Ну-ка? – оживилась Файри.

– Кто-то убил человека, превратил в скелет. Автор предполагает, что это сделал ветер. Ветер – крылья – полет...

– Когни. Коряво, но в принципе похоже, что так, – согласилась Файри. – С «зеленью» понятно, это отсылка к Зеленому району, или кварталу, или как там правильно.

– Квартал правильно, – подсказала Найф. – Зеленый квартал. Видимо, там квартируют проститутки гермо.

– Интересно получается, – протянула Файри. – Честных студентов в Онипрею пускают очень неохотно. Любую другую молодежь – тоже. А проститутки пустили. И много, судя по тому, что заявлен целый квартал.

– Квартал – это еще мало. Подозреваю, что их гораздо больше, – Найф потеряла виски. – Потому что этот квартал – из легальных. И я ставлю сейчас сто против одного, что нелегальные тоже имеются. В количестве.

– Дайте мне удавить Ойтмана его же собственной Сетью, – пробормотала Файри. – С Транспортниками этот фокус бы не прошел.

– Для начала попробуй поймать самого Ойтмана, – засмеялась Найф. – Хотя на чем-то.

– Так, ладно. Пошли спать, – приказала Файри. Закрыла помаду крышечкой, сунула обратно в сумку. – Завтра надо будет снять новое жилье и на всякий случай заскочить в университет.

– Зачем? – удивилась Найф.

– Ну... Хочу познакомиться с сыночком нашей новой подруги и позлить Этнома, – хихикнула Файри. – Не надо давать ему расслабляться. Он должен помнить, что мы всегда где-то рядом.

Найф прыснула.

– Потом он будет жаловаться Ри, что мы ходили на лекции...

– Нет, ну а что? Мы же для этого сюда и прибыли, если ты не забыла.

Глава 2

Обитатели Комнат Темной Воды

Какого черта они всегда это делают, когда надо уходить на работу?!

То ли из дома набирают, то ли с дороги, то ли выдра лысая знает, откуда!..

Рысь застыла рядом с экраном домашнего терминала (градация Бэта-128, низкая, зато надежная, да еще и «мозгов» туда докинута, поэтому машинка весьма шустрая – для перехода по Комнатам самое то) и нервно забарабанила пальцами по столешнице. Опаздываю же – и на тебе. Они что, поголовно читать разучились?

Снова-здорово.

«Помогите подобрать базу под образ, пожалуйста! Мне очень хочется иметь дома Ксини, а я не знаю, какая база ему подойдет! Девы, сильно-сильно прошу, помогите!!! Я новенькая, только вчера доступ открылся».

Подпись – Сиреневая Киска.

Твою.

Мать.

За ногу.

Сиреневую твою Киску куда-нибудь тебе в самое не балуйся.

Откуда, ну откуда взялось столько дур!.. Год прошел, как вышла эта проклятая «Легенда о Ксини», и теперь у нас в каждой Комнате – по десять Ксини, причем один другого краше. «Краше» – в кавычках, конечно. А если не Ксини, то Маэра, причем такая, что без слез не взглянешь. Но это ладно, это пусть – каждый играет в то, что хочет, конечно, – но почему не побродить по Комнатам и не посмотреть на имеющиеся базы? Почему нельзя прочесть то, что написано толпой Ксини-владельцев, и ради чего создавать сейчас еще один дубль-порт, скажите на милость?

Она, Рысь, не имеет права закрыть этот порт без формального повода – условия Комнат Темной Воды Сиреневая Киска пока что не нарушила. Но сотый дубль совершенно не нужен, и повода надо дожидаться... причем закрыть порт необходимо до того, как в Комнате начнется большая свара.

А она начнется. Обязательно. Это Рысь знала на сто процентов.

«Сиреневая Киска, а почему Ксини? Почему не какой-то свой образ?»

Подпись – Ручка от двери в рай.

Явилась, за сто лет не запылилась...

Но это еще ничего, сейчас другие подтянутся.

«Ну мне нравится Ксини».

Подпись – Сиреневая Киска.

«Опять гермо... это я стенаю, если вы не поняли, Сиреневая Киска. У нас что, Темные Воды теперь будут сплошь про гермо, да? Тогда я отсюда сваливаю в скором времени».

Подпись – Вечная Студентка.

«Попробуйте посмотреть вот в этой Комнате – номер двери + код замка. Я тоже люблю Ксини, но мне по душе больше все-таки Маэра. Все равно, добро пожаловать в клуб любителей «Легенды»!»

Подпись – Пушистый Цветок.

Рысь закусила губу, с тоской посмотрела на часы.

Ну когда же, когда же сюда кто-нибудь придет, чтобы можно было закрыть к чертям порт?! Этой хреновой Киске тут делать уже нечего, ей дали и дверь, и замок, все, собралась и ушла, так нет же! Хозяйке не объяснишь, что Темные Воды ей, Рыси, значительно важнее, чем любая работа.

Но работу терять нельзя ни в коем случае. Особенно сейчас. Во время третьего кризиса.

«Иди в Зеленку, дура малолетняя! Иди и там целуй своих гермо, сколько влезет! Хватит позорить хобби!»

Подпись – Бальзам.

Это уже лучше. Сейчас товарки появятся...

В Комнату зашел сам Хозяин Воды. Зашел, пробыл минуты полторы и молча вышел. Рысь занервничала еще больше.

«Попробуй посмотреть модель «Гард розэл», скульптор Линда Урсунни».

«А это мальчик или девочка?»

«Мальчик. Можно лицо нарисовать очень похожее».

«Спасибки! А сколько он стоит?»

«Девятьсот космо, но бывают скидки, надо ловить».

«Киска, забей на дураков, слушай сюда. Не надо брать «Гард розэл», возьми лучше «Дрим», от Снипера. Он вроде бы меньше похож, но там подвижные зоны есть в лице, выражения можно менять, прикинь, как здорово. Глаза двигаются!!!»

«Дорого, наверное?»

«Тысяча сто, зато там одежда в комплекте».

Как мило!!! Ну где же баньши, где они?! Еще ведь через полгорода ехать!

Рысь жила на самой окраине, и добираться до работы ей предстояло больше часа. Сначала монор, потом подземка, потом пешком – Центр давным-давно сделали пешеходным, машины пропускали только по специальным пропускам – государственные или торговые. А простой человек беги, как хочешь.

«Киска, вы уже постригли себе челку наискось и перекрасились в русский цвет, да? Если нет, то срочно красьтесь. А то вы будете не похожи на Ксини».

О! Это уже лучше. Сейчас-сейчас-сейчас...

«Большая любовь к гермо при полном отсутствии мозгов – это диагноз. Киска, не бойтесь, сейчас все лечат».

Отлично!

Внизу замигала приватная строка.

«Рысюха, у тебя там опять черти пляшут, ты где?»

«Баньши налетели, иди сбивать!»

«Ну сколько можно! Рысь, закрой этот паноптикум!»

Великолепно! Три жалобы.

Сбивать, говорите? Собыю. Я тут давно сижу со сбивалкой наготове.

Рысь включила видимый режим – из Комнаты тут же свалили трое баньши, не успевших отметить. Ладно, черт с ними, в другой раз.

– Сейчас мы с вами поиграем, – пробормотала Рысь, блокируя Комнату. – Полет баньши над темной водой, смертельный номер, екли!

Пальцы забегали по клавиатуре терминала:

«Порт заблокирован. Сиреневая Киска, вам выносится предупреждение за невнимательность и дублирование порта. Прежде чем создавать дубли, читайте Комнаты, информации по моделям более чем достаточно. Штраф – одно очко.

Баньши, предупреждение за создание свары и навязывание своей точки зрения в грубой форме сторонним посетителям. Штраф – по три очка с персоны, блокировка в этой Комнате – сутки».

Подпись – Гильдия следящих.

Рысь в ярости!!!

Удовлетворенно хмыкнув, Рысь ткнула пальцем в сенсорную пластину, выключая терминал, и, подхватив сумку, кинулась к двери. До отхода монора, на котором ехать предстояло довольно долго, оставалось пятнадцать минут.

* * *

На самом деле Рысь, конечно, звали совсем даже не Рысь, а Джессика Пейли. Ей недавно исполнилось сорок три года. Найти хорошую работу или вновь удачно выйти замуж Джессике не светило. Помочь ей тоже было некому. Рассчитывать в этой жизни приходилось только на себя, и ни на кого другого.

В прошлом Джессика была художницей, иллюстрировала книги для подростков. Рисовала она не в редакторах, а руками, и ее иллюстрации лет двадцать назад пользовались большим успехом. Что только не приходилось рисовать!.. Фантастические, ажурные, словно кружевные города; крылатые люди, прекрасные, возвышенные создания, имен для которых в этом мире не существовало, старинные корабли, звездолеты из неведомых никому миров; в ее картинах было то, что очень многие в те годы хотели видеть в жизни, – красота истинной любви, безгрешной, непорочной... Совсем необязательно – о красоте любви мужчины и женщины, нет. Любовь бывает очень разной: к природе, к городу, к небу, к морю.

Джессика тогда была очень чистым человеком.

И верила в чудеса.

В настоящие чудеса.

И стремилась показать людям то, что видела в своем воображении – видела так, словно сама побывала в тех фантастических местах, словно стояла рядом с существами, которых рисовала.

Но потом грянул первый кризис – и государство официальным порядком отменило книги. Вообще отменило, как класс. Вышла директива правительства, и книги просто перестали печатать. Остались только детские, по мотивам известных фильмов, да полтора десятка учебников, тоже для малышей.

И все.

Месяц Джессика не могла поверить в происходящее. До этой директивы она все-таки работала: в маленьком издательстве, печатающем книги под заказ. Денег работа приносила совсем немного, но на жизнь как-то хватало. А после директивы...

Полгода она была безработной. Перебивалась чем получится – ходила мыть рекламные щиты с бригадой таких же бедолаг, как сама, торговала в уличной палатке лепешками с разными начинками (так называемая «еда-на-ходу», сеть палаток «Ешь бегом!»), ухаживала за стариками, по социальной квоте имеющими право на такой уход. Муж, посмотрев на это все, сбежал к другой – измученная Джессика ему совершенно перестала нравиться.

Но, что интересно, во время второго кризиса, в результате которого всех неработающих и всех пенсионеров попросили в трехмесячный срок выехать из Джовела, спас Джессику от вынужденного переезда.

Джессика подлежала выселению и была обязана покинуть город – она считалась безработной. Бывший муж в один прекрасный день отвел ее к своей давней приятельнице, порекомендовал – и ее приняли.

Так Джессика стала той, кем работала последние восемнадцать лет: помощницей управляющего пансионом «Утро Джовела».

* * *

Успела.

И даже пять минут в запасе осталось.

Служебный вход в старинный особняк, в котором размещался пансион, находился во дворе, не со стороны улицы. Здание, недавно отремонтированное, выкрашенное в приятный темно-оливковый цвет, богато украшенное белой лепниной, Джессике нравилось – у дома, условно, была душа, на удивление светлая и спокойная. Может, отчасти поэтому она и не бросила работу, сумела с ней смириться. Дом нравился. А из приятного места уходить смысла нет...

Джессика проскочила через пост охраны, на ходу кивнув знакомому секьюрити (тот улыбнулся, махнул рукой), и быстрым шагом направилась в служебную комнату – переодеваться. В «Утре» все ходили в униформе: черный костюм-тройка, ослепительно-белая блузка, золотистый бейдж с именем, неброская обувь. Никаких украшений, никаких высоких каблуков, никаких вычурных причесок. Самое большее, что допускалось, – личные приборы у мужчин на правом запястье да обручальный браслет на левом – у женщин. Все. Ничего более.

В сумке у Джессики, конечно, сейчас сидел Брид, притворяющийся, что его там нет. Брида приходилось прятать – узнай кто из сослуживцев, что грозная Джессика таскает с собой на работу куклу, тут же доложил бы директору, и тот день стал бы последним днем ее работы в этой должности. Поэтому Брид сейчас притаился на дне сумки и вскоре оказался запертым в шкафчике. Сидеть там ему предстояло до вечера.

– Потерпи, – беззвучно шепнула Джессика. – Подожди, и я к тебе вернусь.

Руку кольнуло слабым теплом – Брид еще толком не проснулся и отвечать не хотел. Ладно, пусть досыпает. Ему не привыкать.

Она подошла к большому зеркалу, висящему в простенке, и придирчиво оглядела себя. Вроде бы все в порядке.

Костюм шился на заказ и сидел идеально – у Джессики и без того была очень недурная фигура, в костюме же она выглядела просто великолепно. Хороший рост, тонкая талия, стройные ноги... да, юбка длинная, но никакая юбка не способна скрыть ни красоту походки, ни грациозность.

Волосы черные, волнистые, сейчас собраны в простую косу, перехваченную внизу не приметной заколкой в форме полумесяца. Глаза серые, взгляд жесткий, требовательный, строгий. Лицо, пожалуй, красивое, но сорок три года – это, конечно, не двадцать три. Время, по мнению окружающих, пощадил Джессику, выглядела она максимум на тридцать, но все равно, глядя на себя, замечала следы увядания – морщинки у глаз, складочка между бровями, да и кожа... Эх, ладно. Все равно, ничего не изменится, а жить как-то надо.

Звездолеты и корабли из сказок остались в прошлом.

Сейчас, стоя перед зеркалом, Джессика мысленно приказала уйти еще и Рыси – следящей из Комнат Темной Воды. Нужно было на ближайшие восемь часов максимально ожесточить свое сердце, и ей, как всегда, это удалось.

Через минуту в зеркале отражалась Джессика Пейли – помощница управляющего одним из лучших пансионатов Джовела, вышколенная, подтянутая, дисциплинированная. Доброжелательная полуулыбка, легкий наклон головы и стальные глаза.

Образец для подражания, по словам управляющего.

– Черт бы все это побрал, – пробормотала Джессика, выходя из комнаты.

* * *

– Джесс, в третьем номере новые гости, – Тиккер поднял голову и, по своему обыкновению, уставился на Джессику круглыми немигающими глазами. – Помоги им устроиться.

– В третьем? – переспросила Джессика.

Третий номер был из самых дорогих, и гости в нем обычно останавливались капризные и очень требовательные. Понятно, почему Тиккер решил послать ее – выдержки Джессике было не занимать.

– В том-то и дело, что в третьем. Две девицы, из незнакомых.

Незнакомыми обычно называли прибывших с других планет. Еще одна головная боль для работников пансионата. Потому что поди подбери для таких меню, обслугу, условия! Замучаешься.

– Вот даже как, – Джессика призадумалась. – Гид, переводчик, сопровождающий... у них кто-то уже есть?

– Нет, они вдвоем. Язык знают хорошо, шпарят по-нашему так, что заслушаешься. – Тиккер хихикнул. – Студентки, с Анлиона.

– Студентки? – удивилась Джессика. – Ничего себе. Ладно, сир Тиккер. Я постараюсь, чтобы они были довольны. Сейчас сделаю обход и займусь ими.

– Предложи им полный спектр, – приказал Тиккер. – С таких птичек надо драть по полной.

– Разумеется, – с достоинством кивнула Джессика.

Тиккер снова ухмыльнулся (у, сальная морда, ничего тебе не обломится, и не надейся) и снова уткнулся в терминал. Джессика вышла и направилась вниз, в столовую. Сейчас как раз сервировали завтрак для рядовых обитателей пансионата (гости, подобные тем, что заняли третий номер, считались элитой), и она решила проверить, хорошо ли вычистили приборы – вчера заметила, что на нескольких серебряных двузубых вилках потемнел узор, а это никак не соответствовало общему уровню заведения.

Приборы в этот раз оказались вычищенными до зеркального блеска. Джессика удовлетворенно хмыкнула и вошла в кухню.

– Сопро, – позвала она. – На минуточку.

Шеф-повар подошел к ней, почтительно склонил голову.

– Распорядись, чтобы в третий номер через полчаса подали легкий завтрак, – приказала Джессика. – Меню... улучшенное сегодняшнее, плюс три набора деликатесов и пирожные. Думаю, в дальнейшем они будут заказывать что-то индивидуально, это я уточню.

– Мисс Пейли, а что делать с рыбой? – Сопро все еще глядел в пол, сказывалась многолетняя привычка. – Сегодня они снова привезли среднего размера вместо крупного, да еще и с наледью в жабрах. Якобы слишком тепло, и они засыпали тушки колотым льдом. А вот мне думается, что не засыпали, а подморозили, и я вот...

– Ладно, – раздраженно прервала его Джессика. – Меняй поставщика. Я разрешаю. Но учти, это под твою ответственность.

– Хорошо, хорошо, – закивал повар. – Спасибо, мисс Пейли. Вот увидите, вы не будете разочарованы. Вы же меня знаете, я плохого не посоветую...

Не удостоив его ответом, она вышла из кухни. Далее ее путь лежал на улицу, в летнюю столовую. Там тоже все оказалось в порядке, но придирчивая Джессика заметила, что перекладыны спинки у стульев вымыты недостаточно тщательно, они пыльные. Сделала выговор – горничная, которую она отчитала, стояла в результате вся красная и чуть не плакала, но Джессика была непреклонна.

Если ты хочешь жить в Джовеле, ты должен трудиться. Трудиться так, чтобы любой, увидевший твой труд, испытал восхищение. Не важно, что ты делаешь, важно – как делаешь.

Иначе – ты уедешь отсюда.

Все очень просто.

У Джессики была великолепная зрительная память – а какой еще может быть память у профессиональной художницы? Ее цепкий взгляд выхватывал любую мелочь, от него невозможно было скрыться или спрятаться. Это качество неожиданно стало для нее большим подспорьем в работе. Внимательность ко всему, к любым мелочам – плюс спокойная принципиальность.

Она никогда не наказывала служащих просто так, ни за что.

Никогда не срывала злобу или плохое настроение на других.

Никогда не придиралась без причин.

Никогда не кричала, даже не повышала голоса.

Но, тем не менее, ее все боялись – потому что к работе Джессика Пейли относилась со всем возможным рвением. И была одинаково требовательна как к себе, так и к остальным.

Никто не знал истинной причины, по которой она это все делала.

Никто, даже она сама.

Если бы кто-нибудь спросил Джессику Пейли, почему ей нужно жить именно в Джовеле, она бы растерялась и не нашла ответа. Нет, конечно, она любила город, он ей нравился, но все-таки не до такой степени, чтобы восемнадцать лет подряд каждый день так издеваться над своей собственной душой.

Интуитивно она чувствовала, что почему-то, по какой-то необъяснимой причине, ей необходимо жить именно тут. Зачем? Одному Богу ведомо.

Ей любой ценой нужно было остаться.

* * *

Погода выдалась на редкость хорошая. Прежде чем вернуться внутрь здания, Джессика с полминуты постояла на крыльце, глядя в ясное небо над крышами. Над ее головой, в вышине, пролетела стая белых птиц – неподалеку от пансиона находилась большая река, и чайки в этом районе были частыми гостями. Джессика проводила их взглядом, затем одернула пиджак, провела рукой по волосам и решительно вошла в холл.

...Третий номер был роскошным и более чем дорогим. В нем находились две спальни со встроенными гардеробными, столовая, оснащенная по самому последнему слову техники, кабинет, выходящий окном в небольшой сад пансиона, и ванная комната с большой квадратной ванной, вделанной в каменный пол. Номера с первого по пятый обставлял один из лучших дизайнеров города, и, по словам управляющего, окупались они, несмотря на немереную цену за проживание, дольше, чем все другие. Одна только мебель чего стоила! Мореное красное дерево; все, от кроватей до табуреток под сумки, изготовлено на заказ, по эскизам того самого дизайнера. А ванная? А столовый гарнитур?.. Каждый раз, когда две горничные убирали такие номера, Джессика присутствовала при этом лично, следя за всем. Конечно, свои хитрости были и у нее, и у горничных. Например, случайную царапину на деревянной поверхности можно было затереть особым воском, а плитку, чтобы сверкала, как новая, обработать защитным покрытием.

Номер, разумеется, выглядел безукоризненно.

Джессика подошла к двери и, дотронувшись до сенсора, произнесла:

– Здравствуйте. Я помощница управляющего пансионом Джессика Пейли. Можно ли получить от вас дополнительные распоряжения, а также подать завтрак?

Через несколько секунд над сенсором зажглась круглая зеленая лампа, и мелодичный девичий голос ответил:

– Заходите.

Джессика взялась за медную ручку и открыла дверь.

Одна девушка, с роскошными рыжими волосами, сидела в кресле у окна. На столе перед ней стояла целая батарея бутылочек и флакончиков, явно вынутых из кожаного кофра, который она держала на коленях. Вторая, черноволосая, стояла на пороге Белой спальни, держа в руках сильно помятое платье небесно-голубого цвета. На лице ее читалась явная досада.

– Что, испортила? – не отрывая глаз от баночек, поинтересовалась рыжая. – И если бы свое! Нет, тебе зачем-то надо было вчера влезть в мой чемодан и выключить...

– Фай, ну я не знала, что оно у тебя обрабатывается! – Казалось, черноволосая сейчас расплатится. – Я думала, это просто стим...

– Это не стим, это бричер, идиотка! Он натуральный, его нельзя оставлять так!

– Фай, ну прости, пожалуйста!

– Мне из-за твоего «прости» придется сегодня в университет идти, как лахудре! Ой, извините, мы забыли, что вы тут, – она повернулась к Джессике и улыбнулась. – Когда имеешь в сестрах такую дуру, – острый взгляд в сторону черноволосой, – надо быть готовой к любым неожиданностям.

Черноволосой явно было не до улыбок. Она удрученно разглядывала платье.

– И что делать теперь? – жалобно спросила она.

– Ничего, – в тон ей ответила рыжая. – Вернемся домой, отдадим в Дом Миаскиит на восстановление. Мастер знает, как поправить. Но ты больше не смей прикасаться к моим вещам! Если поймаю...

– Такое ощущение, что у тебя только одно это платье и есть, – пробормотала черноволосая. Небрежным движением бросила платье на спинку стула и, резко повернувшись, скрылась за дверью спальни.

– Может быть, мне следует зайти к вам позже? – деликатно поинтересовалась Джессика. Рыжая отрицательно покачала головой, встала (они оказались примерно одного роста) и, поставив кофр на стул, подошла к управляющей.

– Сейчас нормально, – усмехнулась она. – Позже мы уйдем, у нас будут занятия. Так что вы хотели?

Джессика улыбнулась.

– Я кратко расскажу вам об услугах, предоставляемых пансионом...

Во время рассказа Файри благожелательно кивала, Джессике не останавливала и ни одного вопроса не задала. На лице у нее появилось какое-то благожелательно-отсутствующее выражение, словно то, что сейчас происходило, неожиданно оказалось в какой-то иной реальности. Однако от Джессики не ускользнуло другое, совсем уж неожиданное – вторая постоянная, вышедшая из спальни и тоже слушавшая рассказ, вдруг глянула управляющей прямо в глаза, и Джессике словно мороз продрал по коже от этого взгляда. На долю секунды возникло ощущение, что девушка, стоящая напротив, видит ее не просто насквозь, нет. Ее словно раздели донага и сунули, как минимум, в сканер на биотест... или что-то еще худшее, но...

Джессика сбилась, замолчала.

– Так что вы сказали о гидах? – спросила Файри как ни в чем не бывало. – Нужен ли нам гид?

Ощущение исчезло. Полностью. Мгновенно. Словно его и не было.

– Да, мы можем предоставить вам гида, через агентство по найму элитного персонала. – Джессика с трудом улыбнулась.

– Знаете, – неожиданно вмешалась черноволосая, – мы бы не хотели брать гида через агентство. Мы уже сталкивались с этим. Дадут какого-нибудь потного, сального уроды, который почему-то решил, что его святой долг совокупиться со всеми существами противоположного пола... или, что еще хуже, попадется шантажист, такое один раз было. Вот что, мисс Пейли. А вы сами не хотели бы немного подзаработать?

Джессика нахмурилась.

– К сожалению, я не имею права обсуждать подобные вопросы. – В ее голосе прорезались стальные нотки. – В моем контракте прописано, что я...

– Нет-нет-нет, вы не так поняли, – улыбнулась черноволосая. – Я имела в виду совсем другое. Вы работаете тут днем, но ведь по вечерам вы свободны? Если вы два-три раза в неделю будете устраивать нам экскурсии по городу... за достойную плату, само собой... это разве будет незаконно?

Файри кивнула.

– Двести космо за экскурсию, – предложила она. Джессика молчала. – Хорошо, пусть будет триста. Так вас устроит?

Двести?..

Триста?..

Триста космо за ОДИН ВЕЧЕР?

Три вечера в неделю?!

В месяц Джессике сейчас платили пятьсот космо, и это было очень хорошей зарплатой.

– Ничего противозаконного, – заверила ее Найф. – Погулять по городу, сходить куда-нибудь... все расходы за наш счет.

– Спасибо за предложение, – сумела, наконец, выговорить Джессика. – Если возможно, я дам ответ сегодня вечером, после работы. Вы можете связаться со мной через личный терминал.

Она назвала номер.

Файри радостно кивнула.

– Это будет здорово, – сказала она. – По нашему опыту самые лучшие гиды – это те, кто живет в городе всю жизнь и никогда гидом стать не стремился.

– Вы много путешествовали? – вежливо поинтересовалась Джессика.

– О, да, – усмехнулась Найф. – Мы любим путешествовать.

– Мне пора идти. Если что-то потребуется, обращайтесь к любой горничной, – посоветовала Джессика. – Или к управляющему, через терминал. Завтрак вам подадут через несколько минут, а с меню вы можете ознакомиться...

– Спасибо, – прервала ее Файри. – Мы так и сделаем.

* * *

Едва за управляющей закрылась дверь, Скрипач сорвал с запястья один из браслетов и швырнул на пол. Комнату тут же заволокло полупрозрачным белым туманом. Блокировка сработала мгновенно – сейчас то, что происходило здесь, не могла снять ни одна следящая система.

Систем – не было.

Они это проверили.

Но все равно...

– Ты что делаешь?! – заорал Ит.

– Э, нет, это ты что делаешь?! – Скрипач треснул по столу кулаком.

- Триста космо – ей... – угрожающе начал Ит, но Скрипач перебил его:
- При чем тут деньги вообще? Ты понял, кто это?!
- Нет, твою мать, я слепой дурак!!! – Ит покрутил пальцем у виска.
- Откуда она здесь?.. Как такое вообще возможно? – Скрипач растерянно смотрел на друга, тот ответил ему столь же растерянным и беспомощным взглядом.
- Невероятно. – Ит молчал довольно долго, но все-таки сумел собраться с мыслями. – Даже имя совпало.
- Не совсем, – возразил Скрипач. – В счетах Ри ее звали графиня Нарская. Но первое имя – Джессика.
- Почему мы так мало смотрели эти чертовы счетки? – Ит потер лоб. – У нас ведь она тоже есть. Помнишь?
- Конечно, помню, – Скрипач призадумался. – Не нравится мне это.
- Рыжий, это не может быть ловушкой, – Ит сел на край стола. – Никак. Смотри сам. В первых, о том, что мы сюда вообще пошли, знали единицы.
- Ну, не такие уж и единицы. Человек двадцать знает об этом точно. Знает Эдри. Знает Фэб. Знает сам Ри, который нас сюда отправил. Знает группа, к которой мы сейчас приписаны. Знает...
- А теперь ответь мне, многие ли из тех, кого ты назвал, знают, кто мы вообще такие? – вкрадчиво поинтересовался Ит.
- Эдри, Фэб, и Ри, – ответил Рыжий, не задумываясь. – Больше никто.
- Правильно, – подтвердил Ит. – Потому что для всех других мы кто? Гермо с модифицированной внешностью, воспитанные людьми.
- Скрипач кивнул.
- Эту легенду им сделали в первый же месяц обучения – сочли, что такой вариант будет самым подходящим. Для Ри была сделана другая легенда, его сумели объявить выжившим наследником одного из правящих родов Анлиона, и после полувекowych разбирательств наследник получил права на наследство...
- Сейчас Скрипач видел, что Ит совершенно прав.
- О самом факте существования Джессики Нарской в этом мире знали только три живых существа.
- Они сами.
- Никто другой о ней ничего не знал.
- Связующая Безумного Барда Ариана, его возлюбленная, погибла задолго до его собственной смерти. Ариан до конца дней своих так и не избавился от жесточайшего, сжигавшего ему душу чувства вины перед той, которая была для него всем. И – Скрипач с Итом это отлично знали – до сих пор нет-нет да вспоминал о ней.
- Информацией о прошлой жизни и архивом счетов они, не стовариваясь, практически не пользовались. Прошрое осталось в прошлом, жить следовало настоящим, и только настоящим. Именно так они в результате и жили все эти годы. То, что было раньше, сейчас на них практически не влияло, да и влиять не могло... ну, почти. За очень редким исключением.
- И тут – такое...
- Между прочим, она сильная эмпатка, ты заметил? – Ит задумчиво уставился на свои руки. – Очень сильная. Даже попытку воздействия тут же перехватила, хорошо, что я сразу остановился, и она, кажется, ничего не успела понять.
- Скрипач кивнул, соглашаясь.
- Интересно, чем она еще занимается, кроме обслуживания пансиона, – проговорил он тихо. – Ведь занимается же, чувствую.
- А что ты еще чувствуешь?

– Что она согласится. – Рыжий вздохнул. – Ей для чего-то нужны деньги. Она оторопела от суммы.

– Еще бы, – Ит кивнул. – Ладно. Познакомимся с нею поближе и будем на всякий случай держать при себе. Мало ли что.

– «Мало ли что» будет, когда ее увидит Ри, – мрачно заметил Скрипач. – И это будет такое «мало ли что», что я сейчас с трудом представляю себе последствия.

Ит ничего не ответил. Встал, прошелся по комнате, остановился у двери. Зачем-то провел по ней рукой. Закусил губу.

– У нас три минуты, – сообщил он. – Потом принесут завтрак. Рыжий, еще момент. Я услышал часть разговора Эдри и Фэба.

– Так, – Скрипач напрягся.

– После этого задания мы, по всей видимости, с ним расстаемся.

Скрипач поднял глаза и посмотрел на Ита тяжелым взглядом.

– И чье это предложение? – спросил он хрипло.

– Эдри, – ответил Ит. – Сказала, что больше не будет нас покрывать.

– Понятно. – Скрипач задумался. – Плохо, – проронил он после полуминутной паузы.

– Да уж, действительно, ничего хорошего, – согласился Ит. – Но... Рыжий, понимаешь... у меня появилась совершенно идиотская мысль.

– Озвучивай.

– Озвучиваю. То, что здесь сейчас появилась эта женщина, и то, что сказала Эдри... как ты считаешь, могла она это сделать или нет?

Скрипач задумался.

– Во-первых, зачем? Во-вторых, как именно? В-третьих, не слишком ли сложно получается?

– Зачем? – переспросил Ит. – Чтобы развести нас с Фэбом. Как именно? Пока не знаю, но допускаю, что сама Джессика может быть и не в курсе, ее просто используют. Не слишком ли сложно? Для Эдри – не слишком. По крайней мере, мне так кажется.

– Ит... я думаю, что у тебя сейчас паранойя, – усмехнулся Скрипач. – Эдри тут ни при чем. Это что-то еще.

Ит вздохнул, прикрыл ладонью глаза.

– Сдаюсь, – тяжело проговорил он. – Рыжий, я не знаю. Будем думать, в таком случае. Думать и наблюдать.

– Собственно, именно ради этого мы сюда и прибыли, если ты не забыл, – подвел итог разговору Скрипач. Встал, потянулся. – Ладно. Переодеваемся, завтракаем и поехали развлекать ректора. Соскучился уже небось, бедняжка.

* * *

Ректор, как выяснилось, большой тоски по двум негодяйкам (как он их про себя называл) не испытывал. Для приличия девушки посидели на паре лекций, потом, для поддержания имиджа записных идиотов, задали пару-тройку вопросов, от которых седовласому представителю лектору стало плохо, и с чувством выполненного долга отправились в город. Вторая часть задумки – знакомство с сыном Лебе Фуатен – не удалась. «Мальчика» в этот день в университете не было.

Сейчас начинался тот этап работы, который оба одновременно и любили, и терпеть не могли. Скрипач как-то сказал про него: «Найди не знаю что». Что-то не так, действительно не так, но что именно искать – пока загадка.

Чем может быть это искомое «что-то»?

Кому именно выгодно существование этого «чего-то»?

Чем «что-то» грозит... кому? Этой планете, сиуру, к которому она принадлежит, Сети, Контролю? Обывателям, Транспортникам, альтернативщикам, детям малым, мужчинам, женщинам, экологической обстановке, внутреннему рынку? Вся работа на этом этапе была построена исключительно на интуиции, и ни на чем больше. И вот тут их способности оказывались просто незаменимыми.

В мир необходимо было за короткий срок вжиться. Именно вжиться, потому что без этого можно делать множество всяких других вещей, но не искать микроскоп в тончайших, постороннему глазу незаметных процессах.

– Хорошего агента от, например, хорошего дипломата отличает, прежде всего, развитая способность наблюдать, а также интуитивное ощущение закономерности или искусственности процессов, постоянно идущих в любом социуме. Дипломат смотрит на любой процесс глобально, он способен его анализировать, но ему совершенно необязательно этот процесс чувствовать. У агента все иначе. На втором этапе заброса он включается в общую систему, становится ее частью, не вступая, однако, с этой системой в эмоциональный контакт. Свою личность в любом расследовании крайне желательно выключить полностью, потому что привнесение каких бы то ни было собственных эмоциональных реакций является крайне нежелательным для создания действительно реальной картины...

Ит и Скрипач эту точку зрения (а принадлежала она изначально социологу Линцу) разделяли целиком и полностью. Впрочем, данной модели придерживались все без исключения преподаватели, у которых они в свое время учились.

Убирай себя.

Ты – не имеешь значения.

Ты никто, и звать тебя никак... вернее, звать тебя будут в соответствии с легендой и личностью, предназначенной для заброски, но личность эта имеет главную задачу: смотреть. На все. Смотреть – и видеть.

...В городе в этот раз отправились не в центр. То есть сначала действительно доехали до пешеходной зоны, прогулялись пешком до «Утра Джовела», переоделись попроще, перекусили (Файри, если я все это съем, я не пролезу в дверь! Ничего, тут окна широкие) и пошли бродить.

Город, чистый и какой-то нарочито-глянцевый в центре, к окраинам приобретал несколько иные черты. Дома, добротные, крепкие, но уже без излишнего украшения. Улицы чистые, но при этом – скучные, однообразные, не на чем взгляд остановить. И – стандарт. Стоило отойти от центра, как стала заметна унификация, в центре не существовавшая. Одинаковые детские площадки, явно построенные по одному и тому же проекту. Одинакового цвета двери, ведущие в дома. Одинаковые подъездные аллеи, обсаженные одинаковыми кустами. Квадратные клумбы, на которых растут практически одинаковые цветы – ничего привозного, только местные эндемики, неприхотливые, простенькие, незамысловатые. Это были так называемые Срединные районы: судя по справочнику туриста, в них проживают служащие среднего звена, большая часть которых работает или в Центре, или в так называемых офисных базах. Одну такую базу посмотрели поближе. Скучное здание, обшитое серыми поглощающими энергопанелями, вертикальная стоянка для личных машин сотрудников неподалеку, перед зданием – идеально постриженный газон и бездарно сделанная композиция из трех грубо обтесанных валунов. «Единение с природой», как гласила табличка перед валунами.

– Видимо, эти камни для того, чтобы, когда тебе надоест все до одури, было обо что треснуться башкой, – пробормотала Найф. – Фай, пойдем отсюда, пожалуйста.

Эту офисную базу занимали несколько государственных учреждений: департамент профильного образования, головное отделение, департамент городских сообщений, департамент внутренних коммуникаций.

За территорией базы обнаружили три опять же стандартных кафе, такой же стандартный магазин, остановка монора и небольшой сквер, в котором имелось полтора десятка лаво-

чек, пяток запыленных деревьев и неизменная квадратная клумба с белыми и желтыми цветами. Дальше начинались жилые дома: снова по стандарту.

Днем в Срединных районах оказалось почти пусто, видимо, большая часть их обитателей сейчас находилась на работе. Редкие прохожие были или матерями с совсем маленькими детьми, или куда-то спешащими служащими – вид все они имели деловой и озабоченный.

– Тут жить – с тоски удавишься, – констатировала Файри после нескольких часов бесцельного блуждания по улицам. – Как же они это выдерживают?

Найф пожалала плечами.

– Привычка, – проворчала она. – Слушай, а ведь тут тоже есть те рисунки, заметила?

– Угу, – Файри кивнула. – Их закрашивают, смывают, но, тем не менее, их полно.

– Хоть какое-то разнообразие в этом унылом пейзаже. – Найф призадумалась. – Так. Фай, мы в пансионе поедим или тут куда-нибудь заглянем?

– В пансионе, – решительно заявила Файри. – И сегодня больше никуда не пойдем, ага?

– Ага, – согласилась Найф. – Пойдем мы завтра. С Джессикой. Я хотела посидеть в местной сети, посмотреть кое-что.

– Хорошо... слушай, давай все-таки еще немножко прогуляемся? Нам нужно на третью линию монора, а мы сейчас в ареале шестой, – Файри уставилась в планшетник. – Дойдем до нее пешком, а дальше...

Найф снова кивнула. Оглянулась по сторонам. Потянула носом воздух и вдруг нахмурилась.

– Ты чего? – с подозрением спросила Файри.

– Слушай... погоди. Тут где-то совсем поблизости...

Файри тоже втянула носом воздух. Они встревоженно переглянулись и быстрым шагом двинулись в сторону ближайшего дома, стоявшего метрах в трехстах.

Гермо обнаружился на лавочке возле подъезда. Он сидел, сгорбившись, обхватив руками колени, и, пока не поднял голову, был похож на человеческую девушку, вернее, даже на девочку – по крайней мере, одежда на худенькой фигурке была женская, вульгарная и, как поняли Файри и Найф, отвратительного качества. Когда Файри дотронулась до его плеча и гермо неуверенно поднял голову, сходство тут же рассеялось. Оранжевые глаза, светлая, с едва заметным персиковым оттенком кожа, пушистая пегая шерсть на голове замысловато уложена, вот только сейчас от укладки мало что осталось – по первому впечатлению, гермо основательно повозили головой в помойке. Одежда выглядела не лучше, можно было только догадываться, чем занималась последние часы ее обладательница. Или обладатель. Сейчас это, впрочем, не имело значения.

Файри брезгливо поморщилась – гермо был, как минимум, очень сильно пьян. Или пьян, или под каким-то наркотиком, сейчас это определить невозможно. Он сидел, еле заметно покачиваясь, и смотрел на Файри и Найф остановившимся взглядом.

– Вам нужна помощь? – спросила Найф. Гермо с трудом перевел на нее глаза и попытался как-то сфокусироваться. Получилось не особенно хорошо.

– Вы слышите? – Файри несильно тряхнула его за плечи. – Вам нужна помощь?

– Вы... кто? – запинаящимся голосом спросил гермо.

– Мимо шли, – отмахнулась Найф. – Вам плохо?

– Ни... не... не знаю, – гермо икнул. – А что?..

Файри посмотрела на Найф вопрошающе.

– Может, ну его, этого алкаша? – бросила она брезгливо.

– Я не... ни... эээ... не... пил... пила... – гермо с трудом подбирал слова. – Что-то не... того... не помню...

Он вдруг отвернулся, перегнулся через спинку лавочки – и его вырвало. Найф проворно перехватила его за плечи и придержала, не позволяя свалиться на землю. Через минуту

гермо усадили обратно. Файри, порывшись в сумке, вытащила маленькую бутылку воды, сняла крышку и протянула воду бедняге. Тот выхватил у нее бутылку и жадно приник к горлышку.

– Вам вызвать помощь? – в который раз спросила Файри.

– Не... нет... у меня нет страховки... – Видимо, гермо стало полегче, по крайней мере, говорить он начал более связно. – Если только... машину... мне надо обратно...

– Что с вами случилось? – Найф, прищурившись, смотрела ему прямо в глаза.

– Клиент... какой-то странный, – гермо снова отхлебнул из бутылки, прикрыл глаза.

– Мужчина? Женщина? – поинтересовалась Файри.

Оба уже поняли, кто перед ними. Однако с выводами спешить не следовало.

– Мужчина... – вяло ответил гермо.

Файри мысленно отругала себя за недогадливость – гермо был в женской одежде, хотя, если вдуматься, это не показатель.

– Так в чем странность-то? – поторопила Найф.

– Побил... заставил... ох... заставил в ванной сидеть... зачем-то... мой набор отобрал, сказал, чтобы я... с его набором... дальше не помню...

Набор – это феромоновая «палитра», которую проститутки-гермо использовали для того, чтобы ввести свое тело в рабочее состояние. Запах, который они оба ощутили, был «следом» этой «палитры» – именно он дал понять, кто сидит на лавочке за домом.

– Он использовал защиту? – жестко спросила Файри.

Вот только трупа им сейчас тут не хватало! Хотя маловероятно, что кому-то могло понадобиться убивать этого гермо столь изощренно, да еще и с немалым риском для себя. За шестьдесят лет практики они не сталкивались с подобным ни разу, знали только теорию в общих чертах, и все.

– Да... кажется... не помню... – гермо уронил голову на руки. – Плохо как... ох... почему я... страховку...

Он не договорил, стал заваливаться набок. Файри подхватила его.

– Лучше на землю, а то еще захлебнется, – предложила Найф. – Он же воду пил.

Они перетащили гермо на газон, положили на бок. Рядом с лавкой обнаружилась его сумка – Найф тут же заглянула внутрь, брезгливо поморщилась. «Палитра», какие-то секс-игрушки, дешевая косметика, отвратительно пахнущие духи... ну и пакость!

– Приключеньце, – констатировала Файри. – Что делать будем?

– Он сам не оклемается, – мрачно определила Найф. – И страховки у него нет. И грех на душу я брать не хочу.

– Да кто хочет?... Ладно, рискнем, – Файри вытащила планшет, и через несколько секунд в городскую сеть ушел вызов. – Сейчас посмотрю, можно ли сделать оплату анонимно... ага, можно. Это немного упрощает дело.

– Если честно, Фай, мне совсем не хочется тут задерживаться, – Найф нахмурилась. – По многим причинам. Думаю, ты меня понимаешь.

– Понимаю, – кивнула в ответ Файри. – Между прочим, именно этого я боялась последние годы больше всего. Что в один прекрасный день получится вот так, как сейчас. Когда то, что дома, станет важнее...

– Ты не одинока, – хмыкнула Найф.

* * *

Медицинский патруль, против ожиданий, лишних вопросов задавать не стал. Принял оплату за вызов наличными и совершенно не проявил интереса к тому, почему эти две девушки, ни с того ни с сего, решили оплатить лечение какой-то безвестной шлюхи.

Гермо тут же подключили к автономной системе жизнеобеспечения и погрузили в машину. Клиник, в которых принимали рауф, на весь город оказалось всего три – врач сказал, в какую именно доставят этого и что вторую оплату можно сделать через любой городской терминал.

– Что с ним? – полюбопытствовала Файри.

– Отравление, судя по всему, – спокойно ответил врач. – Сожрал что-нибудь не то или выпил, у них это часто бывает.

– Но он выживет? – с тревогой спросила Найф.

– Должен, – врач усмехнулся. – Да вы не волнуйтесь так. Кошки, они живучие. Сейчас промоем, в больнице кровь почистят, через несколько дней будет как новый.

– Знаете, мы просто... ну, немножко испугались, – пояснила Файри. – Идем по улице, и тут такое...

– Ну, Всевышний заставлял помогать и тварям, и убогим, – кивнул врач. – Вы все правильно сделали. Кошак, он, конечно, не человек, а все равно тварь-то живая. Пусть и без бессмертной души.

Вот так.

Вот это новость.

Найф напряглась, но вида, конечно, не подала.

– А я даже не знала, что их в человеческие больницы берут, – Файри решила подлить масла в огонь. – Думала, для них свои какие-то.

– Откуда? – хохотнул врач. Найф видела – ему гораздо приятнее стоять тут и болтать с двумя хорошенькими девушками, а не трястись в машине, наблюдая за гермо. – В Зеленке есть несколько кабинетов, которые кошки же и держат, но кабинеты эти – смех один. Я даже вам не буду говорить, для чего они, потому что пошлятина. Не надо вам такое слышать. Не были там никогда? – Файри и Найф отрицательно покачали головами. – И правильно, нечего вам там делать, в борделе этом. Ну, ладно, гражданки, поехали мы. Спасибо за оплату.

Файри секунду простояла неподвижно, прикрыв глаза, потом несколько раз медленно вдохнула и выдохнула, успокаиваясь. Найф рассеянно смотрела по сторонам, что-то про себя прикидывая.

Расизм?

О, нет.

Никакого расизма. Никаких выпученных глаз, криков о превосходстве, никаких доказательств, никаких теорий... по крайней мере, внешне. Просто спокойная уверенность в собственной абсолютной правоте. Непокоримая. Железная. Уверенность из серии «Потому, что правильно».

Интересно, кто же это так постарался? Жаль, пока что нельзя связываться с дипломатами: не исключено, что какая-то умная голова сумела отследить начало процесса... если отдел, конечно, не скупил на корню. Такое тоже бывало.

Всякое бывало.

Сейчас... не хуже и не лучше, чем всегда.

Обычно.

И теория не нова, совсем не нова.

Например, теория о том, что человек – венец творения. Бог создал человека и дал ему бессмертную душу. А всем прочим – разум дал, а душу не дал. Поэтому человек венец, а прочие – не венец. И все дела.

«Хотя, – поправил себя Ит мысленно, – те же рауф или нэгаши строят точно такие же теории – бессмертная душа всегда есть только у богоизбранного народа. К коим все себя и относят».

– Так, тварь бездушная, давай в пансион, – позвала Файри. – Я есть хочу.

* * *

Джессика ехала домой, прижимая к себе сумку с Бридом, и постоянно ловила себя на том, что нет-нет, а начинает совершенно по-дурацки улыбаться. Весь день она сдерживалась, как могла, но сейчас, когда работа была окончена, улыбаться стало, наконец, можно.

Деньги!..

Прорва денег, туча денег, горы денег! Джессика прикидывала, сколько проблем удастся решить, и чувствовала, что за спиной словно вырастают крылья. Можно будет обновить базу троим своим «жилыцам». Можно будет купить, наконец, желаемую куклу для Женьки – бедняга живет в отдаленной от Джовела префектуре, с работой у них плохо, и бедная Женька только на чужих кукол может смотреть, для нее сумма в триста космо – что-то запредельное. Можно будет...

Господи, да можно будет что угодно!

Только бы все получилось.

И еще – завтра же... нет, послезавтра, хорошо, послезавтра – собрать девчонок, встретиться, наконец, посидеть всем вместе. Она прикинула, кого позовет. Дракона – обязательно. Феньку и Джой – тоже обязательно. Цвиточка тоже надо. И Ведьму – потому что без Ведьмы скучно.

И забиться в какой-нибудь полулегальный подвальчик. Попить пива, поболтать с теми, с кем есть о чем поболтать. И – с куклами. Непременно.

Хотя для кого куклы, а для кого и не куклы...

Брид в сумке слабо шевельнулся, видимо, от долгого сидения в одной позе у него затекли ноги. Устал, бедный. Пройти через парк? А почему бы и нет, собственно? Ненадолго. Посидеть у воды, поснимать Брида на планшетник – сто лет картинок с ним не забрасывала в комнаты, народ соскучился. Сейчас лето, тепло, почему бы не погулять немножко?

Джессика погладила сумку.

– Скоро приедем, – пообещала она едва слышно. – Уже недолго.

Под рукой тут же стало тепло – Брид ответил. Джессика ощутила мягкую волну радости, благодарность, легкое нетерпение. Ощутила, и в который раз искренне удивилась: ведь этого не может быть. Ну не может быть, чтобы кукла, сделанная из эластомера, была живой! Брид не мог быть живым, потому что... потому что так не бывает.

Слабое тепло вновь коснулось пальцев.

Бывает.

Только не стоит тратить время на доказательства – все равно никто не поверит.

Глава 3

Черный Мотылек

Разумеется, они проспали и ни в какой университет не поехали. Ну а как было не спать? Почти до света обе сидели в местной сети и читали все подряд, от новостей до светских сплетен. Файри начала было проходить регистрацию в каких-то Комнатах Темной Воды, но оставила это занятие на полдороге – для того, чтобы открылся доступ в эти Комнаты, нужно было заполнить чертову уйму анкет и дать личную информацию. Найф, глянув на это дело, порылась в списке «гостей» и через полминуты активировала чей-то год назад заброшенный личный ключ, на котором висело с полтора десятка сообщений: какие-то «чмоки», «ваушки», «прелести» и прочая ерунда.

Собственно, в Комнаты полезли исключительно из-за Эдри, которая попросила проверить кукольную тему.

Потом Файри снова принялась бродить по сети, походя выиграла какой-то аукцион (что ты купила? понятия не имею, но это было дорого), заказала доставку покупки на адрес пансиона. Немногим позже Найф обнаружила правительственный ресурс, и тут уже обе они на полтора часа выпали из реальности – прочесть пришлось очень много. В ускоренном режиме сняли всю доступную открытую информацию, потом Файри обнаружила закрытые участки. Вскрыли, тоже прочитали...

Уже под утро Найф налетела на образовательную программу «Дети-1000», и пока разбирались с тем, что там написано, не заметили, что солнце уже встало.

– Все, больше не могу, – простонала Файри, роняя планшет на пол и падая на кровать. – Иди ложись, горе. А то у тебя глаза уже как были у того гермо...

– Черт, чуть не забыла, – Найф переключилась на Комнаты, принадлежащие клинике. – Ага... угу... ууу... да-да-да... а вот это интересно...

– Чего там такое? – недовольным голосом спросила Файри. – Он живой?

– Живой, – рассеянно ответила Найф. – Интересно другое... тут написано, что у него действительно отравление, но... судя по тому, что тут пишут... это отравление каким-то фосфорорганическим соединением и...

– Чего? – Файри приподнялась на локте.

– Он отравился газом, как я поняла. – Найф хмыкнула. – Сейчас деньги им сброшу, а то как бы не выкинули на улицу... угу, есть.

– Каким газом? – недовольно спросила Файри. – Чушь какая-то...

– Да не чушь, – отмахнулась Найф. – Тебе прочитать?

– Ну, прочитай.

– «Диагноз – предположительно отравление изопропиловым эфиром. Назначено лечение...» ну, это мы не понимаем, это к медикам, – произнесла Найф. – Но это газ, Фай. Я смотрю сейчас справочник, и это действительно газ. Правда, в малой концентрации.

– Ну... может, какой-то наркотик на основе...

– На основе яда? Фай, это бредятина полная. Ладно. Навестим это чудовище через денек, – предложила Найф. – Хотя он, скорее всего, был настолько пьян, что ни черта не вспомнит.

– Под воздействие возьмем, вспомнит, – сонно пробормотала Файри. – Иди, ложись.

– Угу, – Найф, не глядя, швырнула планшет на стол. – Подвинься, разлеглась на всю кровать.

* * *

Ближе к вечеру курьер принес коробку, большую, почти метр высотой, весьма потрепанную и явно не новую. Коробку, не глядя, поставили в угол – через час должна была прийти Джессика, и следовало привести себя в порядок. Чуть позже заглянула горничная – подала чай и закуски. Ужин заказывать не стали, поесть можно будет в городе.

– Слушай, тебе совсем не интересно, что ты купила? – спросила Найф.

– Пока что не интересно. – Файри задумалась. – Мне интересно, что я сегодня надену... А надену я, пожалуй, что-нибудь, чтобы удобно было. Потанцевать там, и все такое.

– Потанцевать? – с подозрением спросила Найф.

– Ну да, – удивилась Файри. – Почему нет? Больше чем уверена, что сегодня мы пойдем в какое-нибудь милое злачное местечко. Это ты у нас колода, а я...

Экран терминала, вделанный в стену у двери и стилизованный под старинную картину, вдруг ожил.

– О, а вот и Джессика, – обрадовалась Файри.

Найф страдальчески закатила глаза.

– Танцевать ты будешь одна. Да, мы слушаем!

– Вы готовы к выходу? – спросила управляющая.

– Еще нет, – ответила Файри. – Зайдите к нам.

– Я уже в городской одежде, – Джессика немного растерялась. – Это не разрешено.

– Ой, ерунда какая, – отмахнулась Найф. – Заходите, не морочьте голову. Фай опять закопалась в своих шмотках, не может решить, что ей нужно, потому что не знает, куда мы идем. Заодно и посоветуете что-нибудь умное.

* * *

Едва переступив порог комнаты, Джессика поняла, что выйти в ближайшие полчаса им не светит: Файри явно решила заняться подбором вещей всерьез и надолго. От обилия разнообразных кофточек, брюк и юбок, разложенных тут и там, у Джессики зарябило в глазах. Сама она одевалась всегда очень скромно, искренне не понимая «куриц», которые стремились нацепить на себя что-то яркое и кричащее.

Следовало признать, что вещи, которые сейчас придиричиво перебирала Файри, были красивыми, но... никакого отклика в душе у Джессики они не вызывали. Легкое раздражение разве что. И недоумение – как можно влезть, например, в ядовито-бирюзовую кофточку и чувствовать себя комфортно?

– Ну как? – спросила Файри.

– Неплохо, – одобрила Найф. – Но мне больше нравится рубиновая, от Гласа. Эта, по моему, не совсем подходит для вечера.

– Пожалуй, ты права. Сейчас переоденусь. Джессика, куда мы пойдем? – спросила Файри. – Вы садитесь, садитесь! Вон туда, к столу. Если хотите, то выпейте пока что чаю.

Джессика села, положив сумку с Бридом на колени, огляделась...

...и замерла, как громом пораженная.

Около стены стояла коробка.

Весьма потрепанная коробка, на которой сбоку был нарисован логотип Вудзи Анафе, тот самый. Под ним располагалась стилизованная литера «М» и вручную написанный номер – 13. И приписка, несомненно, сделанная рукой самого Вудзи – единственного мастера-одушевителя, который на весь мир в свое время признался, что верит в то, что его творения живые.

Приписка, которую Вудзи ставил самым любимым своим мальчикам – кукол-девушек он не делал – «Доброй тебе жизни».

«Черный Мотылек 13».

В фирменной коробке.

Не может.

Этого.

Быть.

Одному только Всевышнему известно, каких усилий стоило в тот момент Джессике удержаться в руках. Так вот кто выиграл вчерашний аукцион! Вот кого сейчас обсуждают в Комнатах на каждом углу!.. Вот из-за кого чокнутый Хозяин Воды уже три раза за утро поменял правила Комнат и уволил двоих следящих! Вот откуда взялся этот тайный аноним, который пришел за полчаса до окончания торгов, с легкостью перебил все ставки и забрал Мотылька, выложив сумму, в шесть раз превысившую начальную.

Аукцион этот превзошел все мыслимые пределы по степени интриги. Когда месяц назад Мотылька выставили на продажу без объявления цены, по Комнатам поползли слухи обо всем подряд – от того, сколько он может стоить, до того, с какой радости (или не радости) его хозяйке потребовалась вдруг такая прорва денег.

Стоимость Мотылька была объявлена, и она оказалась эквивалентна стоимости средней двухкомнатной квартиры в Центре. Или же – отличной четырехкомнатной где-нибудь на окраине.

Несмотря на запредельную цену, ставок оказалось множество. Дракошка, которая отслеживала аукционный зал Комнат, с ног сбилась, отсекая ставки, которые были ниже назначенного предела.

Ходили даже слухи, что кто-то продал квартиру, чтобы купить Мотылька... Джессику, впрочем, эти слухи мало волновали. На несерийные работы Вудзи она и ей подобные могли только смотреть. Издали.

Брид, впрочем, тоже был сделан Вудзи, но он был серийным, поэтому стоил дешево. Впрочем, как – дешево. Под тысячу. Деньги на его покупку Джессика копила почти год.

Сейчас, сидя рядом с бесценной коробкой, Джессика старательно делала вид, что ей все равно и ее совершенно не волнует то обстоятельство, что в метре от нее находится такое сокровище.

Файри скрылась в спальне и через минуту вышла из нее, одетая в узкие темные брюки до щиколоток длиной и в тонкую кофточку бордового цвета. На шее у нее висел теперь новый кулон – с красным камнем приличной величины.

– Украшения лучше не надевать, – посоветовала Джессика.

– Почему? – удивилась Файри.

– Вечер... – Джессика замялась. – Ну, на всякий случай...

– Ерунда! – Файри фыркнула, давая понять, где она видела все эти предосторожности. – Ничего не будет.

– Ну, хорошо. Если вы готовы, то пойдемте, – Джессика встала. – Только... вы не хотите убраться?

– А зачем? – округлила глаза Файри. – Горничная уберет.

– Коробку лучше положить в шкаф, – посоветовала Джессика, стараясь, чтобы голос звучал по возможности ровно. – Чтобы не мешала.

– Ладно, мы распорядимся на выходе, – кивнула Найф. – Ну что, куда пойдем?

– Я знаю несколько симпатичных мест, но сначала, думаю, лучше пройти по историческому Центру, – предложила Джессика. – Можно посмотреть фонтаны Дюваля, дворец Советов вечером тоже очень красиво выглядит. Площадь Верховых. А потом – сходим поужинать. И потанцевать, – добавила она, заметив недовольный взгляд Файри.

– Сойдет, – махнула рукой Найф. Джессика мысленно разделила сестер – Найф, черно-волосая, явная пофигистка и несколько меланхолична, а вот Файри, напротив, совершенно несдержанна – с такой держи ухо востро и следи, чтобы не влезла в неприятности.

Впрочем, за предложенную сумму Джессика, наверное, вытащила бы Файри из горящего дома или из ледяной воды.

Лишь бы все получилось.

* * *

Мотылек, оставшийся в третьем номере, не давал ей покоя. Полночи Джессика проворчалась без сна, потом, поняв, что заснуть все равно не удастся, встала, налила себе чаю и села к терминалу.

Три часа.

В Комнатах – тишина. Народ, конечно, давно спит. Хотя...

«Дракошка, тут такое дело, – набрала Джессика, – я, кажется, кое-что узнала».

Дракошка не спала. Она работала дома и поэтому сидела в Комнатах Темной Воды практически постоянно.

«Чего случилось, рассказывай давай. Рысь, ау! Чего молчишь?»

«Слушай, я, кажется, нашла, кто купил Мотылька...»

«ДА ТЫ ЧТО!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

«Вот и то. Дракошка, это постояльцы из моего пансиона. Представляешь?»

«ОФОНАРЕТЬ! Рысюха, а ты ничего не путаешь?»

«Чтобы я не узнала подпись Вудзи? Бугагашечки. Прикинь, захожу в номер, а там коробка. Неоткрытая! Они его купили и даже не вынули!!!»

От полученной информации Дракошка, кажется, обалдела уже всерьез – больше минуты в строке ничего не было.

«Эй, подруга, чего молчишь?»

«Перевариваю. Рысь, а ты сможешь как-то на него посмотреть?»

«Только если сами вытащат. И при мне они этого не сделают. Вот сволочизм. Ему там плохо, наверное. Прикинь, третьи сутки в душной коробке сидеть?»

«Будто он у Яблока лучше сидел. Полжизни в витрине для понта, не иначе. А если попросить?»

«Ага, чтобы меня уволили, что ли? Дракошка, ты, блин, думай, что говоришь, хоть иногда».

«Слушай, Рысь... может, проследить за ними?»

«Как?»

«Я тебе завтра кое-что утром подгоню. Подожду тебя у монора, ага? Поставишь в номере одну фигню, и посмотрим. А потом тихо снимешь. Они не заметят».

Рысь задумалась. В принципе, ничего противозаконного она не сделает – тем более, никто и не узнает. Нет, конечно, это против правил, но ведь ей неинтересно, что будут делать постояльцы. Ей интересен только Мотылек, а подглядывать за куклами закон не запрещает...

«Хорошо, тащи свою фигню. Она большая?»

«Не, чо ты. Наклейка, хамелеон. Ляпнешь на обои куда-нибудь, сольется, никто и не заметит. Аккумулятор там, правда, хреновый, но часов на двенадцать хватит».

«Пасибки. Дракош, я вообще спать не могу, прикинь?»

«Волнуешься?»

«Угу. И еще мне его очень жалко. Ну скотство же так делать, согласишься. Сидит живое существо, задыхается, а всем по хрену».

«Соглашаюсь. Лады, Рысюх, не переживай. Посмотрим. Может, они не злые».

«Они не злые, они глупые, как пробки. Две тупые дуры. Попросили им город показать, так рыжая в кабаке отплясывать начала так, что мужики стояли кругом и в ладоши хлопали. А эта идиотка рада стараться. Ходила там потом, сиськами трясла. Фу, пакость».

«А чего ты с ними делала?»

«За деньги гидом подрабатываю. Город, кабаки и все такое».

«Хорошо платят?»

«Не поверишь. Даже говорить не буду, боюсь сглазить. Одно скажу – если столько, сколько сегодня заплатили, заплатят еще пару раз, мы сможем купить Женьке ее возжеленного Футика».

«ДА ТЫ ЧТО?!»

«Вот и то. Ладно, Дракош, попробую я все-таки поспать. Нельзя мне с синяками под глазами ходить».

«Лады. Ложись давай. Бриду привет!»

«А ты Хогу передай. И Миране. Чао!»

«Пока!»

– Вот и ладушки, – подытожила Джессика. Покосилась на спящего Брида, который, по своему обыкновению, занял половину кровати, причем, конечно, лучшую, и пошла на кухню – налить еще чаю.

* * *

– Увлекательно, – сказала Найф.

– Очаровательно, – подтвердила Файри.

– Интригует, – ослепительно улыбнулась Найф.

– Ты великолепно смотришься!

Три минуты назад из третьего номера пришел вызов – Джессике попросили зайти, чтобы проконсультировать постоялиц.

Минуту назад Джессика открыла дверь третьего номера.

Пятьдесят пять секунд назад кто-то невидимый подставил ей подножку, а кто-то второй невидимый рывком втащил в номер и аккуратно прикрыл дверь.

Сорок секунд назад ее в четыре руки посадили на стул.

Секунд десять она вырывалась, но ничего не вышло.

Двадцать секунд назад улыбающаяся Файри подошла к стене и жестом заправской фокусницы содрала с нее наклейку, полученную утром от Дракошки.

Десять секунд назад Файри танцующей походкой подошла к Джессике и прилепила наклейку ей на лоб.

Пять секунд назад Файри отошла обратно к Найф и, скрестив руки на груди, сообщила Джессике:

– Великолепно смотрится. И, главное, почти незаметно. Это что, местное средство от прыщей, дорогая?

– Это все действительно очень увлекательно, – подтвердила Найф. – Итак?

Вопрос был задан ледяным голосом, от которого у Джессики мурашки побежали по коже.

– Я... вы все неправильно поняли, – пробормотала она. – Это совсем не то, что вы подумали...

– Вот как? – делано удивилась Файри. – Кисонька, это именно то, что мы подумали. С какого-то перепуга ты решила последить за нашим номером. В других обстоятельствах мы, возможно, и поиграли бы с тобой в эту игру, но, честно говоря, играть нам неохота. Поэтому ты сидишь тут и сейчас расскажешь нам все. Поняла?

Найф, прищурившись, посмотрела Джессике прямо в глаза.

– Только не ври, – предупредила она. – Я сразу это пойму. Помнишь, мы говорили, что много путешествуем? Ну так вот, в своих путешествиях мы кое-чему научились. Несмотря на то, что, по твоим словам, выглядим «как две дуры».

Последнюю часть фразы она произнесла, очень похоже имитируя голос самой Джессики.

– Я... мы... – Джессика чувствовала, что сейчас заплачет. – Хорошо... Эту штуку мы с подругой решили поставить после того, как вы купили Мотылька.

– Еще и подруга образовалась, – пробормотала Файри. – Прямо заговор какой-то. Это подруга тебя надоумила или кто-то еще?

– Я сама, – Джессика испугалась, что эти две фурии доберутся еще и до Дракона. – Это я решила... Вы... вы действительно неправильно поняли... Вы мне неинтересны... совсем...

– Ну, спасибо, – засмеялась Найф. – Продолжай.

– Я не из-за вас! Вернее, из-за вас, но... вы купили... у нас до сих пор народ с ума сходит, кто знает...

Файри и Найф недоуменно переглянулись. Найф пожала плечами.

– С этого места, пожалуйста, подробнее, – приказала она. – Так что мы такое купили? Ради чего этот цирк?

Найф (вернее, Ит, а не Найф, которой было, как всегда, по фигу все и вся) уже поняла, что, во-первых, Джессика не врет, во-вторых, совершенно деморализована, и, в-третьих, что они упустили из виду что-то действительно интересное.

– Вы купили Черного Мотылька, – Джессика сумела взять себя в руки. Голос ее обрел твердость, уверенность. К черту, все равно терять нечего! – Вон та коробка, которая торчит из-за шкафа. Там... там находится один из самых лучших в мире... Почему вы до сих пор не открыли его?!

– Фай, ты хотя бы иногда смотри на лоты, за которые ставишь такие цены, – посоветовала Найф. – Так что мы купили, Джессика?

– Это... кукла, – Джессика опустила глаза. – Только они не совсем куклы. Они... живые.

– То есть? – удивилась Файри.

– Ну... мы сами не знаем, как это... то есть знаем, что живые, но не понимаем, как это получается, – пояснила Джессика. – Я вам кажусь сумасшедшей, да?

– Если честно, да, – призналась Найф. Файри кивнула. – Ну, так в чем вопрос? Вы хотите, чтобы мы открыли коробку?

Джессика тяжело вздохнула.

Собственно, на что она надеялась?

На чудо?

Чудес не бывает, дорогая Джессика Пейли, и ты об этом знаешь.

И в этот раз чуда не будет.

Сейчас они откроют. Поржут над Мотыльком. Посмеются над нею. Закроют коробку обратно, сунут в шкаф. А потом скинут управляющему жалобу, после которой она вылетит не только с работы, но и из Джовела тоже.

Вот и все.

– Откройте, – вяло посоветовала Джессика. – Только, боюсь, вы не поймете...

Найф споро вытащила коробку из-за шкафа и водрузила на стол. Сняла верхнюю часть упаковки, потом нижнюю, освобождая внутреннюю коробку. На секунду задумалась, не зная, что делать дальше.

– Крышка сдвигается, – подсказала Джессика.

Она уже чувствовала и ничего не могла с собой поделать.

Он начал «включаться», выходить из стасиса.

Там...

Найф потянула на себя крышку, и та легко съехала со своего основания.

– Что за... – удивленно начала Найф и тут же осеклась. – Ничего себе! Фай, иди сюда!

Файри подошла к ней, Джессика встала со стула (никто не возражал, и она слегка осмелела) и тоже подошла к столу.

– Файри, я тебе когда-нибудь оторву голову, – пробормотала Найф. – За эмоциональную тупость в том числе. А вам, Джессика, я оторву голову за то, что вы не умеете изъясняться прямо. Неужели вы не могли просто подойти к нам и попросить выпустить, вместо того чтобы устраивать этот бред со слезкой?

– Вы бы с ним не справились, – горько ответила Джессика. – А вы что... тоже чувствуете, да?

Файри коротко взглянула на Джессику, потом – на подругу. Найф усмехнулась едва заметно, уголками губ.

– Проверим? – предложила она.

– Как именно?

– А очень просто. Каждый напишет на бумажке то, что ощущает от... от этого существа сейчас, а потом сравним написанное, – предложила Найф, кивком указывая на старинный письменный прибор, стоящий в правом углу стола. – Джесс, ручка пишет?

«Джесс?!»

Интересно... они что... они – мне верят?..»

– Конечно, – ответила Джессика.

«Ужас, паника, страх», – написала Джессика на своей бумажке. И положила ее рядом с коробкой. Спустя несколько секунд рядом легли еще два листочка.

– Паника, ужас, – прочитала Найф свою запись. – Так... Джессика. Ужас, паника, страх. Угу. Теперь Файри. Кромешная жуть и конец света... Ну, ты у нас нормально не можешь, звезда моя, тебе лишь бы блеснуть. Ну что, Джесс? Мы прошли экзамен?

Джессика кивнула. Найф, поколебавшись мгновение, сунула руку в коробку и попробовала взять Мотылька, но не тут-то было – вскрикнув, она тут же отдернула руку.

– Чего такое? – удивилась Файри.

– Он меня укусил, – ошарашенно выдохнула Найф. – Это как?! И, главное, чем?!

– От страха, скорее всего, – предположила Джессика. – Можно я попробую?

– Валяй, – согласилась Файри.

Джессика просунула руку Мотыльку под спину, приподняла его, а потом, посадив на ладонь, вынула на свет. По пальцам словно пробежали электрические разряды – до такой степени было напугано существо, которое она сейчас держала в руках. И тем не менее...

– До чего хорош подлец, – констатировала Найф, растирая прищемленный палец. – Слушайте, а он и впрямь очень красивый.

Мотылек выглядел как тонкий, хрупкого сложения черноволосый юноша, одетый в черный обтягивающий костюм. Светлая кожа оттенка слоновой кости, длинные черные волосы и сапфирово-синие глаза. Пропорции тела не человеческие, чем-то похожи на пропорции рауф – слишком узкая грудная клетка, слишком длинные ноги. Не человек, а некая стилизация... вот только ощущение... общее ощущение...

Найф вспомнила кукол, которые лежали на столе у Эдри. Те были со знаком «минус». До гадливости, до тошноты, до крайней степени мерзости.

А Мотылек имел знак «плюс». В нем не было ничего порочного или дурного. Скульптор, который создавал эту куклу, преследовал совсем иные цели. Не изгадить. Не опошлить. Нет, нет и еще раз нет! Он стремился показать то, что увиделось ему в какой-то момент настолько красивым, что от радости созерцания хотелось расплакаться – и вот тогда на свет появились Мотыльки. Прекрасное лицо с дивными, неземными чертами, тонкие, нервные руки музыканта, воздушная, словно летящая в небеса фигура...

– Джесс, а сколько в нем роста? – поинтересовалась Файри.

– Семьдесят сантиметров, – ответила Джессика. – Господи, какой же он грязный... Как много лет он просидел в витрине у этой... черт...

Найф подошла поближе, всмотрелась, покивала.

– Предупреждать надо, – наставительно сказала она. – По-моему, ему нехорошо. Мы можем как-то помочь?

Джессика растерялась. Мотылек был практически в истерике, и его состояние передавалось сейчас ей. Самая настоящая паническая атака – резкий переход после длительного пребывания в замкнутом пространстве и темноте к свету и большому помещению. Да еще и среди незнакомых людей. Да еще и до этого – года три подряд его с гордостью демонстрировали гостям в богатом доме, как ценный «артефакт раннего творчества Вудзи Анафе».

Сейчас «артефакт творчества» честно пытался грохнуться в обморок, но что-то мешало, а что – проанализировать и понять он не мог при всем желании, поскольку в такой панике ни о каком анализе и речи не шло.

– Можно его сначала вымыть, а потом попробовать успокоить, – неуверенно ответила Джессика. – Но я не могу настолько задерживаться. Меня...

– Сейчас решим, – Файри подошла к терминалу, ткнула ногтем в сенсор. – Сир управляющий? Очень приятно. Да, третий номер. Уважаемый, мы у вас похитим мисс Пейли на часок, хорошо? – Терминал что-то пискнул, Файри усмехнулась. – Да, она срочно понадобилась нам и поэтому, с вашего позволения, побудет у нас в номере какое-то время. С удовольствием оплатим пансиону эту дополнительную услугу... Что? О, нет, ну что вы! мы просто хотим поучаствовать в аукционе и сейчас пытаемся уговорить мисс Пейли сделать за нас ставку, поскольку у нас нет регистрации в нужной Комнате. Спасибо вам большое! Очень, очень благодарны... Так, Найф, быстро найди аукцион с какими-нибудь камушками и купи мне... – Файри задумалась. – Нет, топазы не хочу, надоели, гранаты не пойдут... О! Изумрудное что-нибудь, ага?

– «Ага», – зло поддела ее Найф. – Почему это тебе? А я?!

– Ну и себе что-нибудь, – милостиво разрешила Файри. – Джесс, а его точно можно мыть? У него же лицо вроде бы нарисовано... не смоем случайно?

Она внимательно рассматривала Мотылька. Брови, тени на веках, губы были раскрашены, причем художник, который наносил рисунок, добился поразительного сходства с человеческим лицом. Брови казались слегка пушистыми, ресницы тоже, а на висках можно было рассмотреть тончайший, паутинный рисунок бледно-голубых вен. Волосы оказались не париком, как сперва подумала Файри, они были каким-то способом вставлены в крошечные отверстия в материале. Ювелирная работа! Это сколько же надо времени потратить, чтобы по волосинке вот так... Файри восхищенно покачала головой.

– Нет, не смоем, рисунок закреплен, – уверенно ответила Джессика. – У нас некоторые боятся мыть кукол, но, по сути дела, это глупость. Эластомер, из которого их делают, знаете, для чего создавался? Для химического производства. Он даже огня не боится. Вода ему повредить не может.

– Ну тогда за чем дело стало? – удивилась Файри. – От управляющего я тебя отбила, отмазку Найф сейчас купит... ведь купит?

– Куплю, – огрызнулась Найф.

– Вот и славно. Ну что? Потасили мыть?

* * *

Через полчаса чисто вымытого Мотылька, завернутого в большое полотенце, устроили с удобством в кресле поспать, а сами стали думать, что же с ним делать дальше.

Грязен он оказался невероятно. Скорее всего, к нему годами никто не прикасался, разве что смахивали метелкой пыль, и не более того. Однако, невзирая на метелку, въевшаяся пыль была везде – в складках одежды, в шарнирах (когда мыли, Джессика подробно объяснила, как эти куклы устроены), в волосах...

Ванной Мотылек испугался так, что не выдержал и наконец-то вырубился, чем сильно облегчил задачу Джессике и Файри. До этого, пока раздевали, он исцарапал их обеих шарнирами, потому что постоянно выворачивался, пытаясь вырваться.

– Может, оставить его в покое? – с сомнением спросила тогда Файри, дую на очередной прищемленный палец. – По-моему, ему страшно не нравится, что мы его трогаем.

Джессика отрицательно покачала головой.

– Понимаете, тут немного иное, – принялась объяснять она. – Его как раз сейчас оставлять не нужно. Они... они не люди, поэтому их реакции не похожи на человеческие. Он действительно пока что боится, но не нас. Изменения обстановки и того, что с ним произошло. Его продали, предали. Да, с ним неважно обращались в предыдущем доме, но это все-таки был его дом, он привык. А с ним – вот так... Хорошего он после этого не ждет – кто бы ждал? Если сейчас дать ему понять, что мы не враги, что мы помогаем и желаем добра, он быстрее придет в себя и освоится.

– Ну, как знаешь...

– Вам удалось выключить этого паникера? – с удивлением спросила Найф, когда Джессика и Файри вернулись в комнату. – Слава богу. А то у меня уже голова от него начала болеть.

– Он сам выключился, – пояснила Файри. – Слушай, он, оказывается, такой прикольный! Он весь как настоящий, ну от и до!

Найф с неприязнью посмотрела на подругу.

– Ну-ну, – процедила она не предвещающим ничего хорошего голосом. – Видела я этих настоящих...

– Отвянь. Джесс, так что мы с ним дальше делать будем? – поинтересовалась Файри.

Джессика растерялась. А ведь действительно – что?

Она уложила Мотылька в кресло, погладила по спинке.

Бедный... Если вдуматься, то даже Брид, который сейчас ждет в шкафчике, в сто раз счастливее. Брид – тоже из «мотыльков», они оба похожи, но Брид серийный и сделан, конечно, на порядок проще и грубее. А все равно, он счастливее.

Потому что у него есть Джессика.

А вот у Мотылька никого нет...

Файри и Найф, хоть и почувствовали все правильно, не поняли того главного, о чем Джессика пока умолчала.

Эти существа являлись симбионтами, они не могли жить отдельно от личности-носителя, им постоянно требовалось внимание, забота, эмоциональный контакт. И кто, спрашивается, будет Мотыльком заниматься? Файри и Найф? Джессика понимала, что – нет. Не будут. Чувствовать – могут, а вот заниматься по какой-то причине – не захотят. Почему? Сложно сказать. Да и причина не одна, их, скорее всего, очень много.

Она снова погладила Мотылька. Пальцы едва заметно кольнуло теплом – даже спящий, он сумел ощутить присутствие и отреагировал. Слабенько, едва заметно.

«Прости меня, – подумала Джессика с раскаянием. – Наверное, я была не права, когда попросила их... может, если бы ты остался в этой коробке, ты бы ушел из тела насовсем и не мучился сейчас от того, что случилось».

Найф, наблюдавшая за этой картиной, тяжело вздохнула.

– Вот что, – решительно заявила она. – Фай, купила его, конечно, ты, но я тебе смею заметить, что деньги у нас общие.

– И чего? – не поняла Файри.

– Сама посуди. Мы с тобой этим приятелем заниматься ну никак не сможем. Нам некогда, живем мы по большей части на чемоданах. Мы его просто замучаем.

– Так что ты предлагаешь?

– Давай подарим его Джесс.

– Ммм... почему бы и нет? – Файри задумалась. – Но только с условием. – Она строго глянула на Джессику, и та вдруг с огромным удивлением увидела, что в глазах Файри пляшут озорные чертики. – Ты нас познакомишь со своими подругами, идет? Вас, таких чокнутых, еще много?

– В городе человек тридцать, но мы редко встречаемся, все работают, – Джессика почувствовала, что у нее слегка трясутся руки. – Простите, но вы ведь пошутили сейчас, да?

– Пошутили о чем? – удивилась Найф.

– О Мотыльке.

– И не думали даже! – фыркнула Найф. – Забирай. Ты о нем хотя бы заботиться нормально будешь. Джесс, не делай таких круглых глаз, пожалуйста! Тебе это ну совершенно не идет.

– Погодите... но... у меня в жизни столько денег не... я... как?

– Господи... ты совсем дура, да? – разозлилась Файри. – Тебе ясно сказано: по-да-рим. Мы тебе его по-да-ри-ли. И попробуй только не забрать.

Джессика закрыла глаза ладонью, пытаясь как-то справиться с бушевавшей сейчас в душе бурей. Подарили? Ей вот сейчас, прямо сейчас, подарили Мотылька? Вот так, просто? Только потому, что тоже почувствовали или... почему-то еще?

– Что я за это должна буду сделать? – спросила она прямо.

– Я же тебе сказала: познакомишь с такими же, как ты сама, – ответила Файри. – Джесс, поверь, дело не в деньгах. Денег у нас хватает. Джовел мы, конечно, купить бы не сумели, но вот пару-тройку районов – запросто. Только зачем нам эти районы?

– Абсолютно незачем. Ты все поняла? – строго посмотрела на Джессику Найф. Та неуверенно кивнула. – Ну и отлично. В таком случае надо его как-то проинформировать, наверное?

Джессика снова кивнула. Присела на корточки рядом с креслом, положила Мотылька руку на плечо. Пальцы снова кольнуло теплом, на глаза, помимо воли, навернулись слезы, но Джессика не убрала руку, и вскоре тепло стало сильнее, явственнее. Ответ расшифровывался плохо, но общий смысл был понятен – мне страшно, устал, сил совсем нет, но все равно буду бороться, не сдамся, не позволю, никто не поможет, что я сделал не так... Потом ответ начал меняться – Мотылек пытался как-то осознать произошедшее за последний час. «Тьма, свет, очень громко, вырваться, отпустите, кто здесь? что происходит? холодно, холодно, что-то белое, страшно... тепло, пусть еще будет тепло, как же хочется спать, больно, нет, вырваться сил нет, кто здесь? хорошо, паника отпускает, надо заснуть, не получается, ярко, кто ты? удобно, легче, согрелся, кто ты? кто ты? кто ты?..»

– Меня зовут Джессика. Ты будешь жить у нас с Бридом.

«Лучше, да, тепло, но свет, очень ярко, глаза, не могу уснуть, если можно, сделай, больно, свет, больно...»

– Сейчас, – Файри, не дожидаясь просьбы, мазнула пальцем по сенсору и уменьшила освещение.

– Вы тоже его слышите? – поразила Джессика.

– А также видим, – парировала Найф. – Только я не понимаю, с чего ему может быть больно? И вообще, это странно. Они чувствуют боль? Но как?

– Понятия не имею, – призналась Джессика. Она развернула полотенце и обнаружила, что Мотылек, оказывается, неудачно подвернул ногу. Поправила, снова укрыла. Он уже засыпал, и ответ, который он сейчас пытался дать, звучал как жалобное «можно... пожалуйста... можно... не могу... устал...»

– Ладно, пусть отдохнет, – смиростивилась Файри. – Интересно будет на него посмотреть, когда он оклемается.

– Ничего себе у вас тут куколки, – констатировала Найф. – Если это такие куколки, то какие, блин, должны быть бабочки?

Джессика засмеялась.

– Простите... ох... вы сейчас процитировали нашу фирменную шутку, из Комнат, – пояснила она.

– Из Комнат Темной Воды? – уточнила Файри.

– Ну да. А откуда вы знаете?..

– Я там вчера пыталась зарегистрироваться, – скривилась Файри. – Шутки, конечно, дело хорошее, но вот того осла, который придумал такую подробную анкету, я бы прибила. Зачем это нужно?

– Защита от мошенников, – пояснила Джессика. Мотылек под ее рукой совершенно успокоился и спал теперь крепким сном. – Куклы недешевые, и всегда находятся любители погреть руки. Особенно на новичках. Поэтому мы вынуждены следить.

– Вы? – переспросила Найф. Она присела на корточки рядом с креслом и кончиками пальцев погладила Мотылька по волосам. Улыбнулась. – Джесс, а он действительно замечательный. Нет, правда! Ты не думай, что мы такие... «две дуры», хорошо? Мы много чего умеем видеть и многое понимаем, но...

– Вы тоже прячетесь? – Джессика вопросительно посмотрела на Найф, та кивнула.

– Конечно, – кивнула Найф. – В той или иной степени все прячутся. Но такие, как ты или мы, – особенно. Так ты в этих Комнатах, выходит дело, следящая?

– Да, – Джессика решила, что скрывать правду дальше не имеет смысла. – Там я – Рысь. С регистрацией помогу, без вопросов. Вообще, у нас довольно интересно бывает. Выставки, встречи.

– О! Здорово! – Файри просияла. – Слушай, подруга, а возьми нас куда-нибудь? Ну пожалуйста... В этом долбаном университете знаешь, какая тоска?

– Хотите завтра с нашей компанией в кафе? – предложила Джессика. – Нас, правда, мало в этот раз собирается, зато все... ну, как я. А через две недели можно будет сходить на Международный салон мастеров. Вот там действительно есть на что посмотреть. Туда, правда, Гоуби привезет своих монстров, – осадила сама себя Джессика, – и загадит полсалона своим присутствием, но ведь можно в ту часть зала и не ходить, в конце концов.

– Кто такая Гоуби? – поинтересовалась невзначай Найф, продолжая гладить Мотылька.

– Прыщ на заднице у всего международного сообщества, жена министра субпрефектуры Каиды, мастер-кукольник и меценат международного масштаба Дэбора Гоуби, – пояснила Джессика. – Такая сволочь... Ой, простите.

– Ладно, завтра расскажешь. И хватит величать нас на «вы», – недовольно сказала Файри. – Какие мы тебе «вы»? Считай, что как-никак породнились, через этого вон, – она кивнула на кресло. – Спит?

– Спит. Как ты его домой потащишь? Сумку дать? В твою небось не влезет, тем более что там, я полагаю, занято, – заметила Найф.

– Там Брид, – кивнула Джессика. – Придется действительно в вашей.

– Да, спит он со вкусом. Даже мне спать захотелось, – Найф встала, одернула кофточку. – Вот что, Фай, вытряхни свои шмотки из большой красной сумки и тащи ее сюда.

* * *

Домой Джессика летела как на крыльях. По дороге связалась с Дракошкой, кинула ей сообщение «*Бросай все и беги ко мне!*» и, пока монор вез ее к дому, быстро вычистила основную

часть Комнат и позакрывала обнаглевших баныши в локациях, чтобы дома не тратить на это время.

Брид и Мотылек сидели в просторной красной сумке и вели себя образцово. То есть образцово вел себя Брид, который, похоже, решил взять над Мотыльком шефство – как только они очутились в одной сумке, тут же подтащил бедолагу к себе, помог лечь поудобнее и рассерженно воззрился на опешившую от такой прыти Джессику. Куда собралась, мол? Не видишь, человеку нужно выспаться нормально, а тебе что, снова надо куда-то бежать? Совести у тебя нету.

– Дома спать будете, – возразила Джессика. Брид сердито глянул на нее. – Слушай, мы же не можем остаться в пансионе, правда?

Брид удрученно отвел взгляд. Ладно, мол, уговорила.

...Дома Джессика первым делом выпустила их обоих из сумки, уложила Мотылька и позволила Бриду сесть рядом – сторожить. Вытащила из шкафа часть вещей Брида, стала перебирать.

– Так... где-то тут была пижама твоя... одолжишь ему на первое время? Эй, Брид, чего молчишь?

«Зимняя, – тут же пришел ответ. – Мерзнет, дай зимнюю».

Джессика потрогала Мотылька за руку. Действительно, холодная. Замерз, пока ехали. Придется греть, и одной пижамой тут не обойдешься. Мотылек, как справедливо рассудила она, не был приучен ни к контакту, ни к смене внешних температур – поэтому свою, в отличие от того же Брида, держать не умел. Научится, ясное дело, и Брид подскажет, если что, но сейчас придется с ним все-таки повозиться.

Она переодела Мотылька, а потом осторожно взяла его на руки и стала рассматривать. Сапфировые глаза выглядели сейчас почти черными, лицо ровным счетом ничего не выражало, тело стало удивительно податливым и безвольным – Мотылек спал. Не выпуская его из рук, Джессика снова полезла в шкаф, вытащила грелку, положила на кровать, включила на среднюю мощность. Под одобрительным взглядом Брида устроила на ней Мотылька – и Брид тут же положил руку ему на плечо.

– Он тебе нравится, да? – шепотом спросила она.

«Второй, – пришел ответ. – Хорошо. Это очень хорошо. Можно нам потом чай?» Образ яркий, настоящая картинка – его любимая зеленая чашка и три больших кубика сахара. Брид очень ловко извлекал из чая весь сахар. Джессика пробовала предлагать ему сахар в чистом виде, но это Бриду почему-то не подходило. Сахар он «утаскивал» только из чая. Причем исключительно из своей чашки.

Джессика удивилась – чай Брид просил обычно только зимой, в самый холод. А сейчас лето, и если он чего и просит, то уж точно не чай. Чаще всего – или красное пиво, до которого большой охотник, или холодную воду.

«Чай», – повторил Брид, снова кинув ей образ своей чашки.

– Ну ладно, ладно, хорошо, – ответила она. – Сейчас Дракошка придет, предупреждаю.

«Хорошо. Джесс, вещи» – образ. Шкаф, его полка, слабый запах лаванды и мяты.

– Хозяйственный ты, сил нет, – пробормотала Джессика. – Ладно, сиди и следи. Если что, позовешь меня.

Улыбка. Снова образ – летний луг, озеро, разноцветные зонтики у воды, лодки... благодарность.

Через полчаса пришла, наконец, Дракошка, лучшая подруга Джессики. Выглядела она озабоченной и чем-то расстроенной. Присела на скамеечку в прихожей, сунула Джессике в руки сумку, в которой сейчас дремал Хогу, стянула спортивные тапочки. Дракошка была маленькая полная блондинка, пухленькая, с очаровательными ямочками на щеках, смешливая, доброжелательная, но сейчас ей явно было не до веселья.

– Что случилось? – спросила Джессика, отдавая ей сумку. – Что с тобой? Ты вообще откуда ехала?

– Из больницы, – мрачно ответила Дракошка. – От Ведьмы. А еще в Зеленку заезжала... сама понимаешь, от этого настроение не поднимается.

– Как – из больницы? – поразила Джессика. – Ведьма?.. Что с ней?

– Нарвалась на извращенца какого-то. – Дракошка шмыгнула носом. – И если бы он ее просто избил, как же. Мало что избил, мало что разодрал все, что сумел, так еще и отравил какой-то пакостью. Ее только сегодня из реанимации в палату перевели, она тут же всем сообщения кидать стала... тебе, кстати, тоже... в общем, я сначала в Зеленку моталась, она попросила Ксини привезти, а потом к ней.

Джессика удрученно молчала. Вот так всегда – у кого-то радость, а у кого-то – горе. Ее собственная радость словно бы померкла и уменьшилась.

– К ней пускают? Я завтра съезжу, – вызвалась Джессика.

– Завтра не надо, – отрицательно покачала головой Дракошка. – Я ей все отвезла, что она просила. Пускают, но... ты же понимаешь... какие там порядки.

Они вместе прошли на кухню, Дракошка села на шаткий табурет, Джессика – на подоконник.

– Это отделение, которое для не-людей, оно на три поста закрыто, – стала объяснять Дракошка. – Говорят, что... ну типа инфекция какая-то новая, и у Ведьмы вроде бы подозрение на эту инфекцию. Кто-то завез извне заразу, а их не вакцинировали... ну, которые полу-легальные...

– Подожди, – остановила ее Джессика. – А как Ведьма попала в больницу без страховки и натурализации? У нее же ничего нет.

– Сказала, за нее кто-то заплатил, но она не знает, кто. Какие-то прохожие девицы пожалели.

– Но она поправится? – требовательно спросила Джессика.

– Мне сказали, что да, но лечиться придется долго. – Дракошка поискала глазами пепельницу, нашла, поставила на стол. Закурила. – И работать она в это время не сможет.

– Как там она?

– Ну, как... сидит в палате одна, плачет. Рысь, ты сама подумай, как ей после такого вообще может быть, а? – Дракошка затаилась, осуждающе уставилась на подругу. – Сама знаешь, как живут они и сколько получают... и за что. Фигово она. Спасибо, дорогая. За участие.

– Чего ты на меня бросаешься? – упрекнула подругу Джессика. – Я, наоборот, стараюсь сообразить, чем помочь. Деньги, предположим, найдем. Часть я дам, часть по своим соберем. С голоду не умрет, в любом случае.

– А жилье? – с вызовом спросила Дракошка.

– Придумаем что-нибудь. Пусть сначала поправится.

– Вот это точно. Прикинь, как Ведьма обрадовалась, когда я Ксини привезла? – Дракошка захихикала. – Села с ним в обнимку, по головке гладит, этот в нее вцепился – ну, ясное дело, соскучился... Словом, песня «Нежность». И тут врач пришел. Такая картина маслом...

– Психиатра не вызвали?

– Не-а, – отмахнулась Дракошка. – Но врач поржал знатно. Слушай, а ты-то чего всполошилась, я не поняла? – запоздало удивилась Дракошка. – «Бросай все, приходи!» – это ты о чем?

– Ну... – Джессика потупилась. – Сейчас покажу. Давай докуривай, и пошли. В общем, с наклейкой получилась такая ерунда...

В комнате Джессика молча подвела Дракошку к кровати и откинула одеяло, под которым спал Мотылек. Несколько секунд та молча смотрела на него, а потом издала беззвучный вопль, который Джессика расшифровать не сумела.

– Как? – Дракошка округлившимися глазами посмотрела, наконец, на подругу. – Это как?..

– Вот так.

– Блин!.. – восхищенно простонала Дракошка. – Ой, какой он классный!.. Только замученный совсем... Рысь, но ведь... это же невозможно!

– Ну, как видишь, возможно. Он нам в пансионе так мозги вынес, что... – Джессика смущенно усмехнулась. – В общем, они мне его подарили. Зря я про них тогда сказала, что дуры. Они не дуры вовсе. Если кто тут дуры, так это мы с тобой.

– У меня нет слов, – заявила Дракошка. – Черт, так хочется потискать, а нельзя. Он на контакт только начинает выходить, и уставший, как не знаю кто, еще с толку собью... Но какой же он клевый!

– Вот и Брид тоже так считает. Вцепился с самого начала, как только увидел, и сидит, как приклеенный, – пояснила Джессика. – Он живой и очень сильный. Но совершенно ничего не умеет. Замерз, пока ехали, и это в моноре, где сейчас жароша, половина кондиционеров не работает.

– Да ну, ерунда. Брид научит. Бридище, привет! – Дракошка улыбнулась и погладила Брида по каштановым волосам. Тот тут же ответил – теплая волна, в которой Дракошка прочла следующее: рад, но прости, сейчас занят. – Ладно, сиди, раз занят.

– Брид, чай, – напомнила Джессика.

«Чуть позже», – тут же пришел ответ. Диск старинных часов, узкая стрелка проскальзывает временной отрезок, замирает на цифре пятнадцать. «Разбужу сам». Следующий образ: утро, совсем раннее, тихая летняя улица за окном, лазоревое прозрачное небо. «Он очень хороший». Следующая картинка: море, яркое солнце, теплый слабый ветер, ощущение радостного нетерпения.

– Во как, – с уважением прокомментировала Дракошка. Снова погладила по голове Брида. – Хорошо, ждем. Мы пока на кухне посидим.

* * *

– ...и как об этом говорить в отчете. Рыжий, погоди, не возражай.

– По-моему, я не собирался возражать. Хватит думать за меня. Но знаешь ли, тебя не напрягает сейчас в некоторой степени тот факт, что мы за такой короткий срок вышли на...

– На спонтанную монаду, состоящую из людей, находящихся, самое малое, на начальном уровне Связующих? Да, Бардов мы, пожалуй, обрадуем, – Ит раздраженно тряхнул головой. – Хороший подарок получится, если они согласятся.

– Ну почему же именно Связующих? – справедливо возразил Скрипач. – На встречающих они тоже вполне тянут.

– Мне сейчас более интересно, кого именно они тут встречают и что с чем связывают, – поморщился Ит. – Я не понял, что такое эти их куклы. И не понимаю, что это за сущность там сидела.

– Да, сущность странная. Куклы просто оболочки, визуализация. – Скрипач задумался, потер переносицу. – Временами я был готов сам себе поклясться, что это – человек. Ну или не человек, не важно. Разумный. А временами – реакции совершенно животные.

– Не животные, – возразил Ит. – Реакции человеческие, но или в аффекте, или в сильном стрессе, как минимум. В общем, это пусть эмпаты разбираются, – подытожил он. – Странное ощущение. Аарн бы сюда, они бы поняли. Мы с тобой для таких вещей существа все-таки слишком приземленные.

– Мне его было жалко, – признался Скрипач после недолгого молчания. – Оболочка, конечно, красивая, но очень уж несовершенная. Он в ванной от холода скуливать начал. Даже не

плакать, а именно скулить... – Рыжий задумался, подыскивая слова. – Сначала бился, сопротивлялся, потом понял, что мы сильнее, и... – Скрипач запнулся. – Ты был в комнате и этого не ощутил. Безнадежность. Отчаяние. Говорю же, ощущение – будто у животного в капкане. Попался, не может вырваться, борется, силы кончаются, сдается.

– Хм. Ну, разумные тоже в капканы порой попадают... А потом?

– А потом его вырубил, – пожал плечами Скрипач. – И он хотя бы перестал щипать нас за пальцы.

– Мне, знаешь ли, хватило его диалога с Джессикой, – Ит покачал головой. – Это действительно эмпатический контакт, но эмообразы выстраиваются как-то странно. Непривычно. Словно он переходил с сильного запаздывания на упреждение.

– Так, «упреждение», быстро делаем отчет и ложимся спать. У нас завтра универ, сын славной мисс Лебе, тот гермо в больнице и вечером – встреча с подругами Джессики. А послезавтра – займемся обстоятельствами гибели посла. Только сильно подозреваю, что это будет безнадежное дело.

Ит снова задумался. Поднял глаза к потолку, потер подбородок, нахмурился.

– Джессика... – повторил он. – Фай, попробуй использовать свои мозги, дорогая. Джессика была в свое время Связующей Ариана. Ты об этом помнишь?

– Я «об этом помнишь», – передразнил его Скрипач. – Но про нее мы пока что в отчет ничего включать не будем. Поскольку это... ну, это, как мне кажется, частное дело Ри. Мне не очень-то хочется подставлять ни его, ни ее.

– Хорошо, – сдался Ит. – Тогда даем только общую информацию.

– Пра кукала, – засмеялся Скрипач... нет, уже, пожалуй, Файри. – Офигеть, отработка какая веселая получается. Молодец, что взял. Спасибо.

– Тебе лишь бы в кабаках отрываться, отпуска, что ли, мало, – проворчал Ит. – Все, формируем отчет – и спать.

Глава 4

Не все то золото

В нос шибануло запахом дорогих духов, и Файри мельком подумала, что именно так должно пахнуть элитное дерьмо.

Элитное дерьмо сейчас стояло напротив и целило глазками в вырез ее тонкой блузки. Глазки сфокусировались на грушевидном кулончике, висящем на цепочке из платины, потом поехали вверх и остановились где-то в районе переносицы Файри.

Обладатель глазок ухмыльнулся и облизнул нижнюю губу.

Файри улыбнулась.

«Какой милый мальчик.

Повесить его изображение в туалете, что ли?.. Найдф порадовать».

– Во, привет! Ты ведь эта... ну... мама сказала, чтобы я тебя нашел. Ну, эта... Атум, да?

– Файри Атум, очень приятно, – мурлыкнула она.

– Марду Фуатен. – Парень провел рукой по прилизанным волосам. – Мама про тебя говорила. Ты тут с сестрой, да?

В принципе, можно было бы обидеться – какое, позвольте, «ты» через тридцать секунд после знакомства? Но Файри решила, что обижаться не следует. По крайней мере, пока.

«...Наверное, агент прекращает быть агентом, когда его перестает тошнить от такого вот дерьма, – подумалось ей. – До чего паскудное ощущение...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.